

Генерал-майор В. С. Головской вручает командиру взвода кавалеристов-разведчиков старшему лейтенанту И. М. Разорёному орден Александра Невского (см. в номере репортаж «В степях Приднестровья»).

Фото ДМ. Бальтерманц

Фронт и тыл

Гвардейцы-разведчики ефрейтор Гирей Закириев (на переднем плане) и старший сержант И. М. Перегонцев — кавалеры ордена Славы. Вдвоём они уничтожили 120 немецких солдат и офицеров.

Капитан Николай Полушкин совершил более 200 боевых вылетов и в воздушных боях сбил 15 немецких самолётов. Капитан Полушкин награждён орденами Ленина, Александра Невского, Красного знамени и медалью «За отвагу».

На Н-ском заводе в Сибири широкий отклик получило новое патриотическое движение — шефство кадровиков над молодыми рабочими — детьми фронтовиков. Старый производитель М. Н. Винокуров взял шефство над сыном фронтовика Владимиром Логиновым и обучает его токарному делу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Н-ский крейсер награждён орденом Красного знамени. На снимке: командующий Балтийским флотом адмирал Трибуц вручает орден командиру крейсера.

Сталинград восстанавливает вся страна. На центральной электростанции завода «Красный Октябрь» по-стихановски работает бригада монтажников-ленинградцев, которой руководит И. К. Лашевский (на переднем плане). Бригада систематически выполняет задания на 240—260%.

Чевшек Ямурадова, заменив брата, ушедшего на фронт, работает жнеей в колхозе имени Ворошилова, Апхадского района, Туркменской ССР. На уборке урожая она вырабатывает по 3—4 нормы.

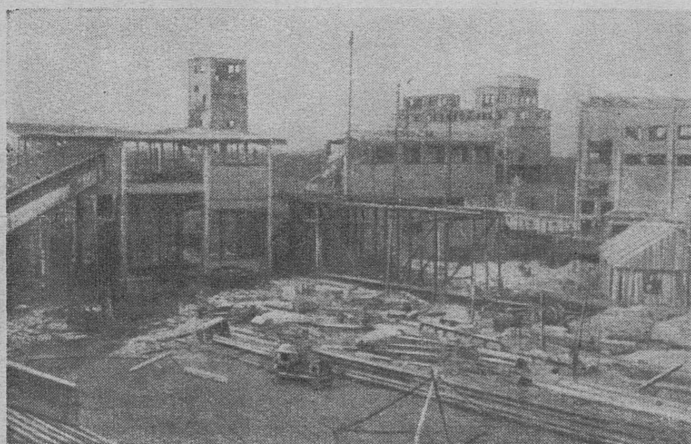
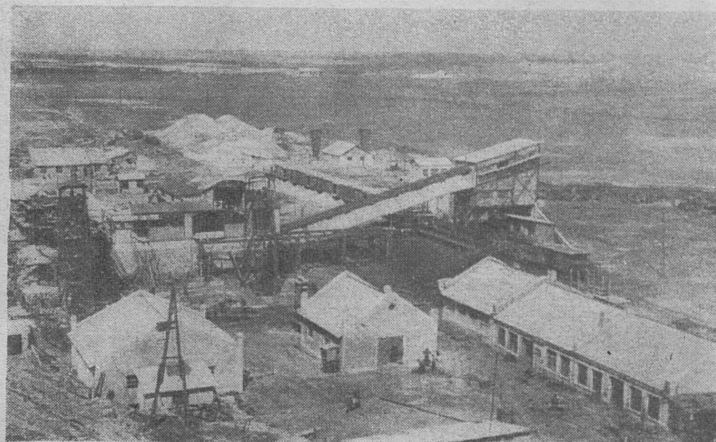
ДОНБАСС ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Фото Р. Лагранжа

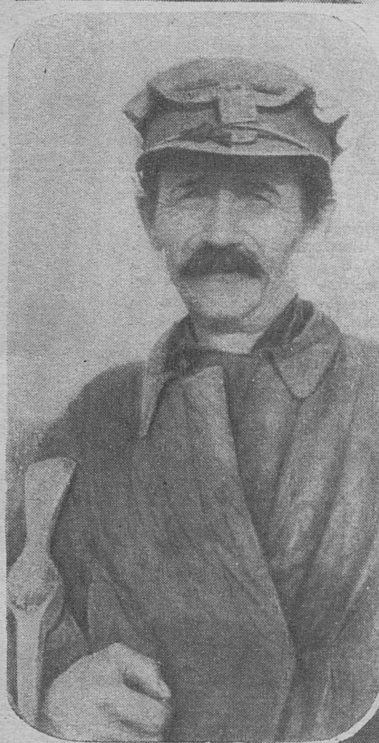
«РАБОЧИЕ, КОЛХОЗНИКИ, СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ВСЁ СОВЕТСКИЙ НАРОД ПРЕИСПОДНЕННЫ РЕШИМОСТИ УСКОРИТЬ РАЗГРОМ ВРАГА, ПОЛНОСТЬЮ ВОССТАНОВИТЬ РАЗРУШЕННОЕ ФАШИСТАМИ ХОЗЯЙСТВО, ОДЕЛАТЬ НАШУ СТРАНУ ЕЩЁ БОЛЕЕ СИЛЬНОЙ И ЗАЩИТОЧНОЙ».

(СТАЛИН).

Возрождается освобождённый от немецких захватчиков индустриальный угольный Донбасс. Вступают в строй металлургические заводы, идёт на-гора уголь с восстановленных шахт. Горняки Донбасса отвечают на первомайский приказ товарища Сталина новыми трудовыми подвигами.

Восстановление шахты № 4—5 «Артёмугля» подходит к концу. Эта шахта была построена в июне 1941 года и не была сдана в эксплуатацию в связи с началом войны. Немцы варварски разрушили её. Шахта скоро вступит в строй.

Шахта «Ново-Мушкетерова» в мае этого года снова начала давать стране коксующийся уголь. Ещё недавно здесь были одни развалины. Донецкие горняки и строители возродили шахту, оборудовали её по последнему слову техники.

С первого дня освобождения от немцев шахты № 31 («Рутченковуголь») крепильщик Д. И. Пирожков приступил к работе. Он старый потомственный шахтёр. Тов. Пирожков работает по-стахановски и выполняет три нормы.

Гавриилу Семёновичу Денисенко 72 года, но он вернулся на родную шахту «Кочегарка» после изгнания немецких оккупантов. Старый горняк обучает молодых рабочих. На снимке: Г. С. Денисенко беседует с колхозницами, прибывшими для работы на шахте.

Быстрыми темпами идёт восстановление шахты «Красная звезда». Котельщики П. Чуряев и М. Козленко готовят котлы для кочегарки.

ГВАРДЕЙСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

Фотоотчет А. Архипова

При защите родной Москвы в грозные зимние дни 1941 года прославили себя танкисты 2-й гвардейской краснознаменной бригады. С тех пор воины бригады прошли с боями сотни километров. Танкисты выросли и закалились в суровых боях, в совершенстве овладели воинским мастерством.

Десятки писем от трудящихся Москвы, Урала, от колхозников Украины, Кубани получают ежедневно гвардейцы. В свободную минуту майор С. Симонов и капитан Н. Клименко разбирают очередную почту и отвечают на письма (снимок слева). Они пишут о боевых делах бригады, о её лучших людях: о подвиге коммуниста Ф. Фесенко, который под яростным огнём противника спас жизнь своего командира; об отважном радисте-комсомольце А. Черепанове, удостоенном четырёх правительственных наград (снимки сверху).

Они рассказывают о командире батальона майоре М. Березинском. Ещё недавно он командовал взводом и в боевых операциях показал себя смелым и инициативным офицером. В одном бою майор Березинский (на снимке слева) со своими танкистами уничтожил 2 «фердинанда», 20 автомашин и сотню гитлеровцев.

Свободного времени у танкистов немного. Но каждую передышку между боями они используют для учёбы, для обмена боевым опытом. Вот старший сержант М. Бурков докладывает своему командиру (снимок слева) о новых, установленных им в бою, уязвимых местах немецкого танка «Т-6». Лучшие люди бригады, доказавшие на поле боя свою преданность родине, вступают в ряды большевистской партии. На снимке справа: партийное бюро разбирает заявление капитана И. Тяпова о приёме в партию.

В СЕМЬЕ

К. Тренёв

Рассказ

Рисунки Виктора Иванова

I

Широко раскинулись весенние поля, только что сбросившие с себя снежный покров. Снег даже не всюду ещё успел уйти, вот там, за балочкой, в лесочке, часть его осталась на опушке и уже посинела. А в синем небе заливается жаворонок.

Дорога, по которой шёл танкист Алексей Скворцов, только что просохла. У её обочин, сквозь прошлогоднюю жёлтую траву, уже пробивались свежие зелёные ростки. Алексей поднялся на гору. Здесь остатки окопов, валяются заржавленные кузова и остовы машин. А впереди раскинулось по долине родное село.

Алексей остановился от волнения и долго всматривался своим единственным глазом в его облик. Он знал, что село разрушено. По пути видел много разрушенных сёл и городов. И это родное, как все: торчат почерневшие трубы над развалинами изб, а рядом уже белеют восстановленные; видна свежая солома на крышах. Алексей жадно искал среди них самую родную и дорогую... И вдруг сердце его радостно замерло: там, у голых верб, недалеко от площади, блестит на солнце золотом свежая солома и белеет труба над ней. Алексей вытер рукавом слёзы на своём изуродованном лице. Вот так же, как лицо его, изуродовал враг и родное село. Но село отстроится заново, и забудутся его руины, обгорелые, безобразные, всё обновится, а лица уж нет. Он шёл домой прямо из госпиталя. А как попал в госпиталь, он не помнит. Помнит только, как, форсировав реку первым, бросился со своим танком на окружившие его немецкие танки, как блеснул и ослепил его огонь в кабине... Чем кончилась эта операция, он уже не видел, это ему только потом рассказывали, когда кончилась в госпитале другая операция: его сожжённое, превратившееся в кусок мяса лицо покрывали какой-то кожей, взятой с его же тела и ещё у кого-то, сшивали, вставляли металлическое горло и фарфоровый глаз... а потом ему в госпиталь же принесли орден Ленина и медаль «Золотая звезда». Говорить он стал хрипло, чужим голосом. И лицо у него было чужое, когда он посмотрел в зеркало, — ни одной знакомой черты.

Он спускается с пригорка в родную деревню. В балочке взойшёл на мостик, под ним журчит весёлый, весенний ручей. По краям его уже зеленеет новая трава. Бегущие вдоль русла вербы ещё не зеленеют, но уже распустили почки и шумят, шумят на весеннем ветре по-весеннему. И птицы щебечут в роще. Он медленно идёт по улице. Вот колхозный сарай; колхозницы дружно обмазывают его глиной с навозом. В руках наполненные навозной жижей немецкие каски. Алексей всматривается в эти лица — все они или слишком молодые или слишком старые — и никого не узнаёт.

Но вот он повернул за угол сарая: окружённый кучкой колхозников старик в маленькой кепке, с большой бородой что-то с увлечением рассказывал. Алексей подошёл ближе и узнал в старике колхозника Хряща.

— Тут такой принцип, — говорил Хрящ. — Эта корова с тем проданная была, что непременно всегда телится к «тёплому Алексею». Но я этому принципу не доверял, ну нынче она как раз под Алексея отелилась, и я уверовал!

Алексей подошёл к Хрящу и его слушателям. Кое-кто обернулся, посмотрел в его лицо с тем уже знакомым ему выражением чуть безгневной жалости...

Алексей молча поздоровался и пошёл дальше. Когда он проходил мимо другой кучки людей, до него донеслось имя Настя. Сердце его так забилось, что он остановился. Прислушался — и опять

говорят о Насте, председательнице колхоза. Он пошёл дальше. А вот сейчас, за поворотом к речке, откроется родная хата. Алексей затаил дыхание, сделал ещё два шага, и перед ним действительно, под вербой с обломанными ветвями, предстала родная хата, выбеленная, под новой крышей... Сколько раз стояла она перед его глазами и наяву, и во сне, и на отдыхе, и в бою... Вот и старые ворота. Алексей вошёл в них. В углу сарая плут и сани. Из глубины двора навстречу ему шла старушка. Алексей сразу же по глазам узнал мать, постаревшую, похудевшую, с выбившейся из-под платка прядью наполовину седых волос. А глаза... он запомнил эти глаза, устремлённые на него в час разлуки, в печали бесконечной. А теперь они остановились на нём со скорбным изумлением.

— Здравствуйте, — проспел Алексей.

— Здравствуйте, — сказала мать. — Вы к Насте?

— Ничего, ничего, — тихо шептала Настя. — Да как же ты... не признался, покинуть хотел!..

— И к Насте и к вам. Я... привёз вам поклон от вашего Алексея.

Глаза матери засияли большой радостью, их застлали слёзы:

— Ой, моя деточка, да где же он? Где вы его видели? В больнице или как?

— Да, и в больнице, и... мы с ним вместе сражались. Рядом... Как его семейство?

— Да, слава богу, — ответила старуха и вдруг зарыдала.

— Вы, тётя, не убивайтесь, — сказал Алексей. — Он не так ранен... легко. Он скоро выйдет. А где же жена... дети?

— Настя всё в сельсовете да в колхозе. Постройка, а завтра-послезавтра выезжать в поле сеять. И Стёпа, внучек, больше с нею. А Наташа, внучка, в хате. Да вы пожалуйста, отдохните.

Мать приотворила с детства знакомую дверь и пустила его в тёмные сенцы. И здесь пахло на него родным запахом. У окна на лавке он увидел возмужавшую с тряпками девочку. Он не узнал её, она выросла, похудела, только глаза, глаза — матери, их сразу узнаешь. Забыв всё, он вдруг сделал движение к ней. Девочка метнулась в угол и смотрела оттуда на него широкими от страха глазами.

— Не бойся, внученька, — успокаивала её бабушка. — Это дядя, поклон тебе от папы принёс.

— И гостинцев, — сказал Алексей, он снял сумку и, быстро достав со дна подарки, которые приносили в госпиталь для его детей, протянул их девочке, но та не брала.

— Возьми же, деточка, это от папы.

А она стояла неподвижно, опустив глаза и руки.

— Что же ты так сурьёзно смотришь? — сказала бабушка. — Вишь как папа о тебе помнит! А ты же его постоянно вспоминаешь! А теперь, когда проговорили про него по радио да портрет его в газетах пропечатали, — обратилась она к Алексею, — так она только и разговору, что о папе. Встанет, сейчас же — дайте папин портрет! И не ляжет без того, чтобы не поцеловать. А уж вывели его в правлении, нарисованного, так и совсем загордилась. Такая горячка стала!

Алексей взглянул на помещенный в красном углу собственный портрет, украшенный лентами и бумажными цветами.

— Похож ли он теперь, мой сыночек? Тот, что в правлении, как живой.

— А правление у вас там же?

— Нет, спалили немцы и сельсовет, и школу, и избы-читальню. Ну, начали новые строить. Все Настя убивается. А правление у Батрака в хате. Сыны оба на войне, и так что, слыхать, обои убиты, отец в партизаны подался. Ну, немцы дознались, хотели хату спалить, а тут и наши пришли.

Алексей поднялся.

— Куда же вы?

— Да пойду Нас... Настасью Михайловну повидаю... Поклон передам.

— Что же, повидайте, если встретите. Да только не сидит она на месте. И в поле, и по всему колхозу, и в сельсовете так захлопоталась, так захлопоталась — с зари до зари, а иной раз и дома не ночует. Разве что забегит на детей взглянуть.

II

Действительно, идя по улице, Алексей на всякий случай спрашивал встречных, где найти председателю. Но все указывали сразу несколько верных или предполагаемых мест, а точно никто не мог указать. Опять же встретился Хряц, и на его вопрос, подумав, сказал:

— Я преклоняюсь к тому, что сейчас она в кузнице, а может, и в амбарах. А вам, собственно, по какому принципу?

— По делу, — уклончиво сказал Алексей.

— По какому же делу? — спросил Хряц. — Я к тому, что едите по какому делу ищете, то на этом деле её и найдёте.

Алексей пошёл дальше. И вдруг, проходя мимо одного двора, он услышал за забором весёлый женский смех и остановился, охваченный им. Этот смех он часто слышал и сквозь вой самолётов и сквозь разрывы бомб и гранат. Алексей узнал и двор. Это двор его товарища Павла. Он быстро вошёл в ворота. Она стояла справа у ворот сарая, а рядом Павел, с той же молодой, весёлой улыбкой, с пустым левым рукавом. Он говорил что-то весёлое, и Настя, не замечая Алексея, продолжала смеяться. Алексей медленно направился к ней. Настя взглянула на него, и, пока он подходил, улыбка на её лице сменилась серьёзным выражением с той же жалостью, к какой он уже стал привыкать. Но, боже мой, можно ли привыкнуть к выражению этой жалости на самом дорогом в мире лице! Он подошёл к жене. Она подняла свои длинные брови над глубокими карими глазами и ждала: надо заговорить, а горло перехватывало.

— На... стасья Михайловна? — спросил он.

— В чём дело?

Она ещё несколько секунд внимательно смотрела в его лицо. Страшные, решающие секунды...

— Я... привёз вам поклон и письмо.

— От кого?

— От Алексея, из госпиталя.

Она видела, как она побледнела.

— Что с ним?

— Ничего, выздоравливает. Он же писал вам.

— Да, писал.

— Вот и сейчас со мною прислал...

Алексей полез в карман и достал письмо, которое он написал вчера на станции. Почему-то торопясь, он подał его жене. Она, быстро пробежав его и пряча в карман, сказала сухо:

— В последнем письме он писал, что приедет в короткий отпуск. А теперь пишет, отправляется на фронт. Вы что же, с ним в госпитале вместе были?

— Вместе. Рядом сражались, рядом и в госпитале лежали.

— Рядом сражались?

— Да, в одном... в одной танковой колонне. Его легко ранило.

— А вас?

— Меня, как видите, обожгло, да вылечили.

К Насте подходили колхозники, говорили о делах, ждали распоряжений. Она их быстро давала. Потом спросила Алексея:

— Вы, товарищ, куда же теперь направляетесь?

— Домой, к себе... на Донбасс. Вот только остановился на вашей станции, — письмо и поклон передать.

— Вы уж меня извините, время такое, а надо поговорить. Вы пожалуйста к нам, отдохните.

— Спасибо, — сказал Алексей. — Я уж за станцию, к вечеру поезду на поезд.

— Ну до другого поезда поживите у нас. Я вот вас сейчас к себе провожу, тут близко.

— Я уж был у вас.

— Ну тем лучше. А я в правление. Может, пройдёте? По дороге поговорим.

Но по дороге пришлось мало говорить: всё

СОЛДАТСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Емелиан Буков

Небо казанами проливало
Дождь обильный на степные травы.
Шли мы в бой. Черешенка кивала
Нам своею головою кудрявой.

Вся дрожала от грохота и гула,
Потянулася к нам она ветвями.
И, как девочка моя, тряхнула
Светлыми и мягкими кудрями.

Влажную, заплаканную ветку
Я погладил жёсткою рукою
Иль дочурку-малолетку
Молча вспомнил с горькою тоскою.

С той поры черешенка мне снится:
Будто от меня она уходит...
Сердце в край родной летит, как птица,
И нигде покоя не находит.

Я смотрю вперёд нетерпеливо:
Облака ли за холмом сгрудились
Иль напудренные снегом ивы
Над застывшим Прутом наклонились?

Там, над колыбелью дочки малой,
Мать поёт, чтоб в песенке унылой
Об отце-солдате дочь узнала —
Об отце, которого забыла...

Разгорится ли заря на травах,
Чудится мне твой румянец нежный,
Запоёт ли соловей в дубравах,
Слышу голосок твой безмятежный.

Если в поле ветер, плача, бродит,
Я хочу лететь к тебе, как ветер.
Не рука мой пулемёт наводит —
Это сердце моё точно метит.

Пулемётом песенку строчу я —
Пусть пропахнет порохом да полем,
Пусть, как сталь, звенит, в груди бушует
Счастьем встречи и глубокой болью!

Перевод с молдавского

Марии Замаховской

ВЕРЬ

Людмила Татьяничева

За рекой окаянный зверь
Притаился в ночи и ждёт.
Зорче целься, родной, и верь:
Твоя пуля зверя найдёт.
Захрапит он, падёт ничком...
На колени не сможет встать.
Окровавленным языком
Твою землю станет лизать.
На войне не прожить без по-
терь.

Друг в разведку ушёл — и нет.
Ты в его возвращенье верь,
Он придёт, достанет кисет
И расскажет тебе неспеша
О делах боевых своих...
Если дружат — одна душа
И одна судьба на двоих.
Я не знаю, где ты теперь.
Третий год не смолкает бой.
Только ты не грусти и верь,
Что люблю и всегда с тобой.
Слышишь, голос звучит в ночи.
То любовь моя песнь поёт,
Моя кровь в твоё сердце сту-
чит.

Моя верность тебя зовёт.

подходили новые люди. Многих из них он узнавал, и в первый раз за время войны чувствовал себя среди близких чужим и одиноким. Он взглянул на её опять оживившееся лицо с сияющими глазами и ласковой, но твёрдой улыбкой, и сердце заливалось огромная радость, которую сейчас же сменяла чёрная тоска.

В правлении он увидел свой писанный красками поясной портрет. Из золочёной рамы, обвитой лентами, на него смотрело весёлое, молодое лицо с румянцем во всю щёку, с лихо взбитыми тёмными кудрями.

— Вот, — сказала Настя колхозникам, — алёшня товарищ, вместе сражались.

Его обступили, стали рассматривать и расспрашивать. И всё больше знакомые... И Хряц опять тут. Он спросил:

— Что же у вас, товарищ, личность в некоторых местах разная?

Но тут посыпались расспросы об обстоятельствах, в которых отличился Алексей. Он рассказывал о них, но рассказывал неумело, только то, что ему известно было, а здесь всем известно было уже несравненно больше. И слушателям приходилось не только дополнять, но исправлять его рассказы. А когда Алексей попробовал рассказать о самом героическом поступке, как он, сбив врага, очистил берег для десанта, вышло что-то прямо совсем скучное и противоречивое. Оказалось, что ни через какую пропашть его танк не перескакивал, что вражеских танков было в несколько раз меньше, чем это известно здесь. И подвиг героя выходил по его словам серым и заурядным. Должно быть, это было неприятно слушателям. Но Павел описал и объяснил этот подвиг с большим воодушевлением и гордостью. Говорил он о нём увлекательно, и Алексей видел, как слушатели были захвачены его рассказом, а Настя остановила на Павле свой сияющий взгляд и щёки её были бледны.

— Так что картина вот такая получается, — сказал он, обращаясь к Алексею, и в голосе его прозвучали обида и какое-то недоверие к Алексею.

Алексей вспомнил, что когда-то он и Павел вместе ухаживали за Настей. Алексей скоро женился на ней, а Павел долго ещё не был женат. Но никогда ничем не дал он понять Алексею о своей обиде за неудачу. Напротив, после свадьбы они ещё как-то ближе сошлись на дружной колхозной работе.

— Ну, видно, вам отсюда видней! — скрипуче сказал Алексей, и всем стало тяжело и неловко от искривившей его лицо гримасы, повидимому, обозначавшей ироническую улыбку.

А Павел сказал мягко:

— Вы только, товарищ, пожалуйста, не примите в обиду. Мы все ценим ваш подвиг и тяжёлое ранение. На себе, как видите, испытали. Но Алексей — прославленный герой, и нам, его односельчанам, а тем более близким товарищам, как я, надо гордиться и возвеличивать его заслуги. А умалять их мы не допустим.

Настя вступилась:

— Товарищ и не думал умалять. Он говорит то, что видел из своего танка. А отчасти, может, из скромности: всё же таки участник.

— Скромность — это его похвальное дело, а нам есть чем гордиться, — сказал Павел, и действительно, с гордостью взглянул на портрет и опирался на нём ленту.

А Настю уже обступили колхозники с делами.

III

Алексей вышел из правления незаметно и направился по улице, никого и ничего не замечая, с холодом в душе. Вот, наконец, и произошла встреча; к которой он так стремился и которой так боялся! Какой встречи он ждал и как её себе представлял? Чаше всего представлял, как жена и мать, узнав его, в первый момент с ужасом и воплем отшатнутся... А потом ей, молодой, всегда такой разборчивой к красоте, останется на всю жизнь с уродом!.. Сразу ли откровенно откажется она от него или станет насильствовать себя? Этого уж, конечно, он не допустит:

— Уйду, уйду сам!.. Так зачем же я поеду туда?

И Алексей решил, что не поедет он домой. И когда он так решил, тотчас же навстречу его решению поднялось неудержимое, взлелеянное желанье повидать семью и родину. Он стал быстро собираться из госпиталя домой. И опять встали перед ним горе жены и матери, ужас детей. И тут он окончательно сказал себе: «Не вернусь!» А на другой день он... уже ехал в поезде домой.

Сегодня, идя по деревне, он невольно замедлял шаг, стараясь хоть этим отдалить страшную мину-

(Окончание на стр. 12.)

Туман сырой тяжестью навалился на лес, и деревья стояли, лишённые отчётливых линий, как за матовым стеклом.

Прибылов шёл, опасно всматриваясь в туман, охвативший его со всех сторон, и осторожно ступая, чтобы не вздымать опавших листьев.

Туман этот был сейчас и его сообщником и неприятелем: он укрывал от чужих глаз, но он же едва не предал Прибылова, потому что скрыл блиндажи, которые неожиданно выросли на пути. Он попятился от блиндажей, обошёл их стороной и, незамеченный, углубился в лес.

Шёл он быстро, но часто останавливался, прислушивался, то ли из предосторожности, то ли ему что-то мерещилось. Но в лесу стояла всё та же тишина, её нарушал только шелест листвопада.

Лесные прогалины заросли высокой, по-осеннему ломкой травой — она стояла в обильной росе, так что колени у Прибылова стали совсем мокрые. Хорошо бы сейчас накинуть плащ-палатку, но она быстро намокнет и начнёт шуршать о траву, кусты, сучья. Поэтому он с горьким вздохом оставил плащ-палатку и шёл в ватнике.

Прибылов вспомнил все события хлопотливого вчерашнего дня.

...Он сидел в землянке и правил на ремне бритву, когда его вызвали к командиру. Побриться так и не пришлось. Вдвоём с командиром роты, молчаливым более обычного, они прошли в генеральский блиндаж. Приёма у генерала ждали два полковника, но адъютант, увидев разведчиков, доложил об их приходе, и они вошли тотчас же.

Генерал, здороваясь с Прибыловым, слегка задержал его руку в своей тяжёлой, жёсткой руке.

Прибылову понравилось, что генерал не просто дал ему задание, а подробно рассказал о боевой обстановке. Он видел, что генерал доверяет ему многое, и от этого одного был в каком-то приподнятом настроении.

Ему понравилось также, что генерал-лейтенант разговаривал с ним, лейтенантом, как с ровней, уверенный в опыте и сообразительности собеседника, и не прервал разговора колючим вопросом «Понятно?»

Речь шла об успехе нашего наступления на этом участке фронта. Немцы, опасаясь прорыва, стянули сюда большой артиллерийский парк. Свиная распутица остановила подвоз боеприпасов, и оба большака потеряли своё значение. Оставалась железнодорожная ветка, ведущая от рокадной магистрали к станции Хвойная.

Завтра ночью партизаны подорвут мост. Прибылову следует позаботиться об эшелонах, которые успеют пройти по мосту до трёх часов ночи.

Нужно пробраться через линию фронта, пройти лесом до железной дороги, проникнуть на станцию.

Немцы боятся наших штурмовиков, а потому подают и разгружают эшелоны ночью. Нужно дожидаться на станции эшелона со снарядами и дать после его прихода две ракеты.

Две зелёные ракеты — вот и всё, что требуется от него, лейтенанта Бориса Петровича Прибылова. Сигналы перехватят артиллеристы-наблюдатели, которые со вчерашней ночи живут в лесу южнее Хвойной и ждут. Данные для стрельбы готовы, а каких-нибудь восемнадцать километров — не помеха для дальнбойных батарей. Они накроют эшелон раньше, чем его успеют разгрузить.

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Евгений Воробьёв

Рассказ

Рис. Б. Шатилова

Он вынул ракетницу и поднял её над голой.

Когда вопросы иссякли и всё стало ясно, генерал положил Прибылову руки на плечи и сказал, глядя прямо в глаза и взвешивая каждое слово:

— Вы сами понимаете, на что идёте. Но я вам приказываю, — генерал повысил голос, как бы подчеркнув это слово, — приказываю вернуться живым.

Ночью Прибылова должны были переправить через линию фронта. Сперва казалось, что не хватит времени на все дела, но сборы прошли быстро, и наступили часы вынужденного безделья. Время тянулось бесконечно.

Прибылов зазубрил маршрут наизусть. Вглядится в карту, потом закроет её рукой и срисовывает на память. Его особенно интересовали дороги — не потому, что он собирался по ним ходить, а потому, что был вынужден их избегать.

Товарищи ни о чём не расспрашивали, но понимали, что Прибылов отправляется на рискованное дело: беседовал с генералом.

Ночью Волобуев, Гаркуша и ещё один разведчик, Шуйский, по прозвищу «боярин», проводили Прибылова через линию фронта.

Он простился с товарищами в темноте, не видя их лиц. Гаркуша на прощанье сказал что-то с деланной весёлостью, чего Прибылов даже не запомнил, — напускной бодростью товарищ хотел скрасить минуты расставания. «Боярин» по обыкновению промолчал. А Волобуев сказал значительно и строго:

— Главное — о смерти не думай. Думай о жизни!..

...О многом думал теперь Прибылов, осторожно пробираясь по лесу, но мысли его всё были какие-то растёранные, невесёлые.

Он вспомнил, что не оставил «боярину» обещанных кремней для зажигалок и тащит их зачем-то сейчас в кармане гимнастёрки, что не ответил на последнее наташино письмо, и подумал, что зря не попрощался с ребятами из соседней землянки.

Он остановился, прислушался — только шелест мёртвых листьев и птичий гомон на верхушках деревьев, уже освещённых солнцем.

Весь день напролёт Прибылов шёл по лесу в обход станции. Он правильно рассудил, что с запада подойти к ней будет легче: дальше от линии фронта — меньше патрулей, опасных встреч.

В предвечерний час он вышел к железнодорожному полотну. Перейти сейчас через насыпь рискованно. Тем более что издали, справа, выдался семафор, поднявший свою железную руку, — очевидно, какой-то разъезд.

Прибылов пошёл вдоль кромки леса. Не доходя до разъезда, он залёг за штабелем противоснежных щитов и решил дожидаться темноты, а затем двинуться дальше, к станции.

Прибылов дотемна пролежал за штабелем. Он не раз пригубил фляжку и основательно, второй раз за день, закусил, не очень-то считаясь с тем, что съел больше суточного пайка.

Далёкое дыхание поезда заставило его насторожиться. Потом послышался гуд, он нарастал; рельсы отозвались гудением.

Паровоз шёл с прищуренным фонарями. Не доезжая семафора — тот скорее угадывался, чем виделся в предвечернем сумраке, — машинист начал тормозить, и под вагонами, в неверном свете искр, стали видны колеса.

Грохочущий состав поравнялся с Прибыловым. Вагоны двигались медленно, тяжело подрагивая на стыках.

Состав тащили два паровоза. Лишь несколько цистерн различил Прибылов на фоне тёмного неба. Все остальные вагоны — крытые, частью большегрузные. Сомнений не оставалось: снаряды.

Ему показалось, что именно сейчас, в это вот мгновение, когда вагоны движутся мимо него, решается успех всего дела и что именно сейчас он должен что-то предпринять.

Патрулей Прибылов не видел, но можно было думать, что они торчат на всех тормозных площадках. Он принял было считать вагоны, но быстро сбился со счёта и внезапно подумал: «А что если подъехать до Хвойной?»

Прибылов изрядно устал, и ему очень не хотелось брести дальше пешком. Кроме того поездка извлекла от поисков станции в темноте. А самое важное — этот эшелон может его обогнать. Немцы выгрузят и развезут снаряды, а он останется в дураках.

Вряд ли Прибылов успел взвесить все «за» и «против», скорее всего он принял решение, повинаясь чутью разведчика.

«Двум смертям не бывать, — мелькнуло у него, — одной не миновать. Только чтобы не по-глупому, не раньше времени...»

Он рванулся к движущейся стене вагонов, ухватился за ускользящие поручни, в два прыжка вскочил на тормозную площадку и тотчас же наткнулся на часового.

Тот сидел на скамеечке, сгорбившись, засунув руки в рукава, зажав карабин между коленями. Прибылов не дал ему встать и умело использовал оба преимущества — внезапность и свободу движений, присущую человеку, который борется, не сидя, а твёрдо стоя на ногах. Он выхватил карабин и обрушил его кованым прикладом на голову немца. Тот был без каски, и участь его решилась мгновенно.

Тёмная ночь, за ступеньками откос, и не слышно ничего, кроме перестуки колёс и натужного скрипа буферов.

Когда Прибылов остался на площадке один, он унял сердцебиение, закутался в плащ немца, подобранный на полу, и уселся в той же позе, упершись коленями о борт тормозной площадки.

Эшелон осторожно миновал несколько стрелок, — машинист начал

тормозить. Прибылов понял, что попал на Хвойную. Он соскочил с подножки, отполз в сторону и спрятался под вагоном, одиноко стоявшим на соседнем пути.

Хорошо бы выяснить, есть ли ещё груженные составы, но разгуливать сейчас по станции было опасно, тем более что охрана в любую минуту может хватиться часового и забить тревогу.

На станции было тихо, только вдаль похивали паровозы, будто хотели отдышаться после бега. Кто-то прошёл с фонарём вдоль состава, и опять никого.

Лёжа под вагоном, он ещё раз с удовольствием ощущал заряжённую ракетницу, лежавшую за пазухой. Ещё немного, и он даст две зелёных ракеты и вызовет на себя огонь. Наблюдатели, наверное, просмотрели все глаза, глядясь в ночное небо.

«Интересно знать, как обо мне сообщат Наташе?» — подумал он с горьким любопытством и снова вспомнил, что перед уходом не ответил на последнее письмо Наташи.

«Когда я سأجوز ужинать», — писала она, — ставлю на стол две тарелки, две чашки. Ты не сердись на меня, я стала совсем, совсем глупенькая от любви к тебе и одиночества. Мне всё кажется, что вот откроется дверь и ты войдёшь, как всегда, весёлый, шумный, проголодавшийся, и сразу же сядешь ужинать».

Прибылов поёжился, глубже засунул руки в рукава ватника. Ему сладко было думать, что Наташа спит сейчас в тёплой постели — ей ничего не угрожает, а в комнате тихо, только прилежно тикают часики, которые она, ложась спать, любит класть под подушку... Кстати, который теперь час?

Светящиеся стрелки показывали половину третьего. Прибылов долго вслушивался в ночь. Он уже отчаялся что-нибудь услышать, как вдаль глухим громом прозвучал взрыв.

— Был мост — и нет моста! — радостно подумал он вслух.

Поскорей бы подать сигнал, но нужно ждать. Может быть, ещё один эшелон успел пройти через мост до взрыва и сейчас где-нибудь в пути.

Около четырёх утра Прибылов выполз из-под вагона, посмотрел на небо — рассвет ещё не коснулся его, но звёзды потускнели. Дальше ждать опасно: сигнал будет плохо виден.

Поездов больше не было, где-то вдаль слышался едва различимый шум моторов: по дороге шла автоколонна. Не за снарядами ли?

Он вынул ракетницу и поднял её над головой. Ему не сразу удалось унять дрожь руки: волнуется или продрог? Прибылов затаил дыхание, совсем как при стрельбе в цель, будто ему обязательно нужно попасть ракетой в ковш Большой Медведицы.

Две молнии, одна за другой, поднялись в небо с шипением.

Тревога прокатилась по станционным путям, треща одиночными выстрелами и очередями. Пронзительно залился кондукторский свисток. Паровозы переговаривались между собой испуганными гудками.

«Глупо было бы понадеясь сейчас, когда всё сделано!» — лихорадочно подумал Прибылов.

Он юркнул обратно под вагон, выскочил с другой стороны и пустился наутёк подальше от эшелона. Он дрожал, хотя не чувствовал ни холода, ни страха.

«Ведь самое трудное уже позади!»

Впереди показались какие-то, едва различимые станционные постройки и чёрный профиль водокачки.

Куда бежать? Где найти лазейку в колючей проволоке, которой, как он

знал, оцеплена вся территория станции?

Прибылов остановился, чтобы перевести дыхание, собраться с мыслями, но тут привлёк его внимание странный, нарастающий свист.

Он не успел сообразить, в чём дело, как уже ударило близости жёлто-лиловое пламя. Звук разрыва был неожиданным, как грохот поезда, который грубо рванул с места машинист.

Не успел улечься разноголодный посвист осколков, как ударил с чудовищной силой второй снаряд, третий, четвёртый...

— Давай, давай! — зорал Прибылов в радостном испуге, забыв о всякой осторожности.

Будто он стоял на батарее рядом с срудием и номера расчёта слышали его срывающийся голос.

Сейчас, в этой смертельной кутерме, легче было улизнуть от неминуемой облаты, и он побежал дальше, припадая к земле, когда свист снаряда переходил в зловещий шестелест — предвестник близкого разрыва.

Очевидно, на далёких батареях знали своё дело, а батарей этих немало, потому что над станцией полыхало огненное море разрывов.

Эшелон горел в нескольких местах, и станционные постройки тоже были охвачены огнём. Снаряды рвались пачками, повидимому, сразу ящиками. Несколько цистерн с горящим разорвало в клочья — они оказались очень кстати, эти цистерны, будто кто-то прицепил их специально для растопки.

Крики доносились откуда-то издали: никто не рискнул тушить это страшное пламя.

Обстрел прекратился так же внезапно, как начался, и Прибылов, не мешкая, зашагал прочь от горящей станции к чернеющему поодаль лесу.

Прибылов шёл с опаской, часто останавливался, прислушивался. Конечно, самое глупое было бы нарваться на немцев сейчас, когда всё вышло так удачно, просто.

Сладкое ощущение счастья владело всем его существом, проникло, казалось, даже в кости. Какое блаженство сознавать, что долг выполнен и всё самое опасное и тяжёлое позади!

У Прибылова было такое чувство, будто он всю дорогу тащил на спине что-то очень тяжёлое, вроде плиты миномёта, и только сейчас освободился от ноши. Он и в самом деле с наслаждением повёл сильными плечами, как бы лишняя раз желая убедиться, что ничто не стесняет его движений, не мешает жить.

А мысли теперь все были какие-то лёгкие, весёлые. Он подумал, что обязательно нужно будет сегодня же вечером подбить двух дружков на нескончаемый спор о галушках и пельменях, что, наверное, от Наташи пришло и ждёт его, не дожидаясь нового письма.

Он вышел к знакомой «калитке» в нашем минном поле на рассвете. Он шёл неспеша и старался лучше приметить дорогу к миномётной батарее, потому что решил надиктовать снова отпроситься в разведку в эти места.

Когда часовый из боевого охранения окликнул Прибылова, он ответил чужим, неизвестным ему самому голосом и был крайне удивлён, что часовый узнал его сразу по голосу, а потом и в лицо.

Прибылову казалось, что за эти двое суток он изменился совершенно, вплоть до голоса, походки, почерка, всех своих вкусов и привычек.

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Николай Рыленков

Так бывает лишь в песнях да в сказках,
В тех, что слушаешь, дух затаив,
Да ещё в сокровенных, солдатских
Снах, приснившихся в час забытья.

Но не в сказке, у тихой криницы,
Не во сне, под ущербной луной,
Ты, взглянув сквозь густые ресницы,
Опустила глаза предо мной.

Я кладу тебе руки на плечи:
Ты мне славу солдата верни.
Много вёрст от разлуки до встречи
Я прошёл по дорогам войны.

В пропылённой солдатской одежде
Запах дыма и горечь огня.
Всё, что дорого было мне прежде,
Шло, как тень твою, возле меня.

Колокольчики звёздного сада,
Соловьиный рассвет у ручья,
И застенчивость долгого взгляда,
И стыдливая нежность твою!

День, встающий из тёмного лога
На свисток перепёлки во ржи...
Что ж молчишь ты, моя недоtroга,
Отчего ты притихла, скажи?

Иль разлуки зелёное жало
Навсегда отравило тебя?
Нет, ты только душой возмужала,
Беспокоясь, скорбя и любя!

Вижу, снова тебя закликаю
В беспокойное наше жильё, —
Ты не то, что была! Ты такая,
Как предвидело сердце моё!

Сохранила ревниво и свято
Всё, чем прежде мы жили вдвоём...
Разве знала сама ты когда-то,
Сколько мужества в сердце твоём!

Ты вернёшь мне, любовь и отрада,
Ранних зорь золотые края,
Колокольчики звёздного сада,
Соловьиный рассвет у ручья, —

Так бери ж моё сердце и пестуи,
Пусть висок накалён добела!
Даже в юности, даже невестой
Ты не так мне желанна была!

В степях Приднестровья

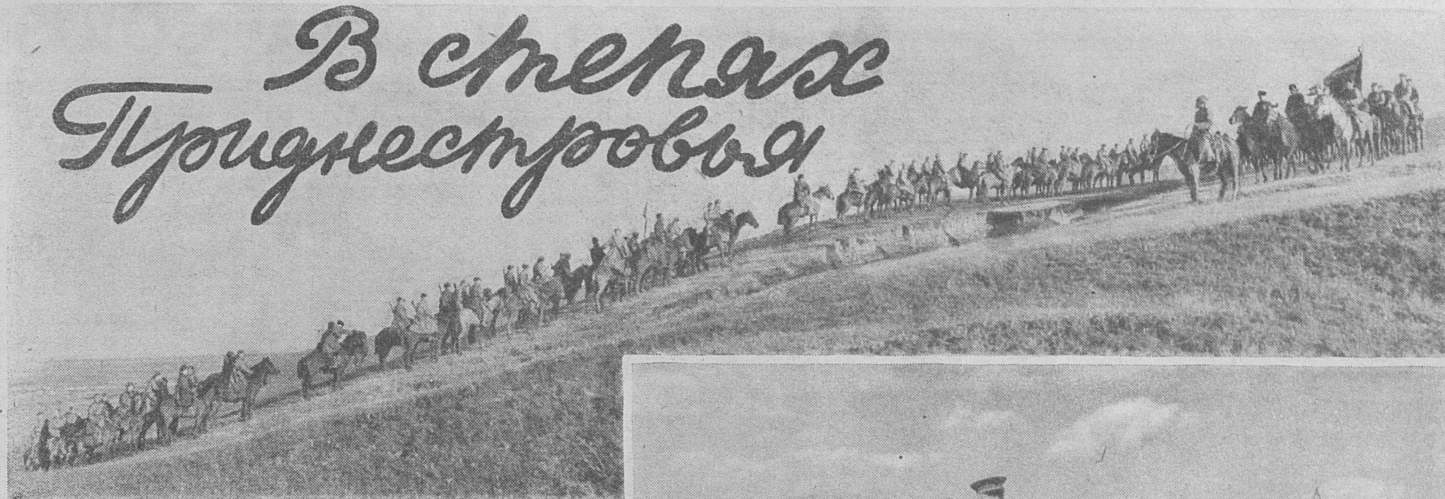
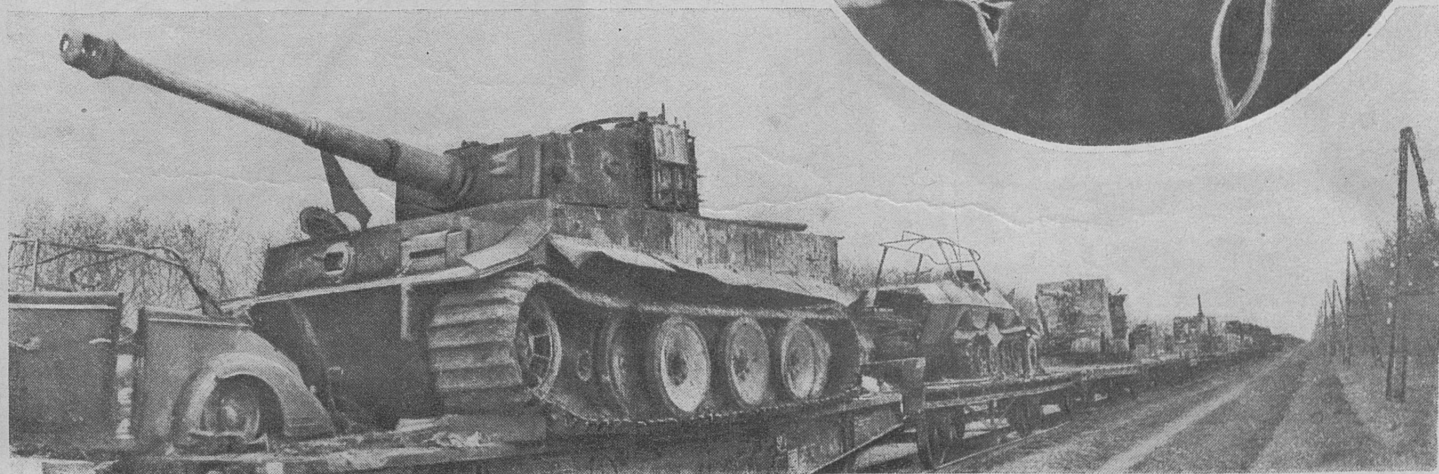

Фото Дм. Бальтерманпа

Дерзкими рейдами по вражеским тылам, внезапными стремительными налётами на занятые немцами сёла прославились кавалеристы-казаки, которыми командует Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Плиев. Только в одном из своих рейдов казаки уничтожили более 5 тысяч немцев, 18 танков, 36 орудий, 511 автомашин и захватили 68 орудий, более 1000 автомашин, 5 эшелонов. На снимке справа: Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Плиев перед строем казаков.

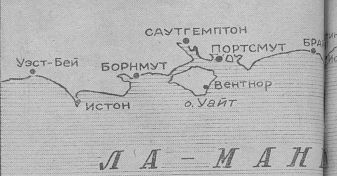
Радостно встретили казаков жители освобождённого приднестровского села. У колодца, где кавалеристы остановились напоить лошадей, женщины благодарят своих спасителей, дарят им букеты полевых цветов (снимок слева). На снимке в кругу: казаки рядовые И. Таранда, награждённый орденом Славы III степени и медалью «За боевые заслуги» (слева), и И. Крутилин, награждённый орденом Славы III степени и двумя медалями «За отвагу».

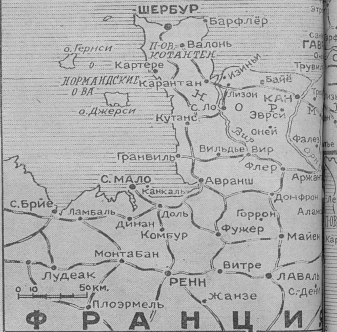
Немецкий эшелон с танками и орудиями, захваченный казаками генерал-лейтенанта Плиева.

ВЫСАДКА СОЮЗНОВ ВО ФРАНЦИИ

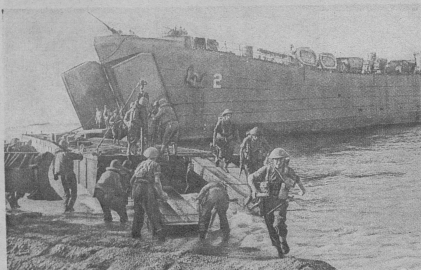
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

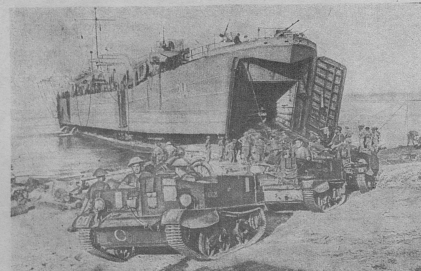
ЛА-МАН

Англо-американские и канадские войска и их вооружение были перебросены через Ла-Манш из Великобритании в Северную Францию на тысячах специальных десантных кораблей. Артиллерия перевозилась на специальных баржах, на которых доставлялись также и легкие танки. На снимке: десантная баржа, груженная орудиями, направляется к берегу, занятому противником.

Пехоту перебрасывают на другом типе десантных судов, которые «носом» пристают прямо к берегу. Справа поднимают судно на «носу», открывающемся в воду.

На таких же судах перевозятся танки, бронетранспортеры, автомашины.

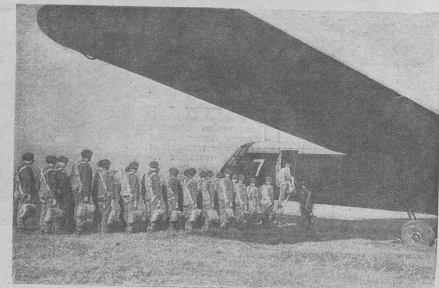
Район боя на побережье Франции. Справа, снимки Сены, где создан крупный плацдарм союзников.

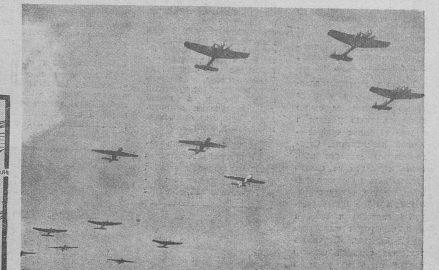
Минюмётчики, устроившись среди развалин, посылают мину за минеростером, быстро выгрузив пушки, ведут огонь по гитлеровцам, скопавшимся на берегу.

Минюмётчики, устроившись среди развалин, посылают мину за минеростером, быстро выгрузив пушки, ведут огонь по гитлеровцам, скопавшимся на берегу.

Большую роль в первой фазе высадки союзников во Франции и в боях за захват прибрежного плацдарма сыграли парашютные и выдесантные части английской, американской и канадской армий. В первые же дни во Франции было высажено свыше 24 тысяч парашютистов. 7 июня в тылу немцев были высажены крупные десанты, прибывшие на планерах. На снимке: посадка десанта в планер.

Планерные поезда растянулись над Ла-Маншем на расстояние 80 километров. В буксире планеров принимало участие свыше 1000 транспортных самолетов.

На парашютах были сброшены в специальной упаковке облегченные мотоциклы.

Мы снова у двери в волшебное царство сказки. Стоит только переступить порог — и пёстрый хоровод существ, знакомых с детства, обступит нас. Примчится откуда-то Иван-царевич на Сером волке и с мечом в руках; шумной ватагой прибегут волосатые и страшные шишиги — кашеевы слуги — и медленно, вся в нимбе чудесных превращений, возникнет перед нами Ирина Прекрасная.

...В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И были у него три сына: старший — Дмитрий-царевич, средний — Василий-царевич и младший — Иван-царевич. И вот задумал царь поехать по своей земле — себя показать, людей посмотреть, уму-разуму набраться. А на время своего отсутствия оставил он править столицей своих трёх сыновей.

Тут-то и случилось главное. В особой камере, за семью замками, за семью печатями, жило у царя в полоне страшное чудище — Кашей Бессмертный. Строго-настрога запретил царь своим сыновьям не только заглядывать в кашееву темницу, но и к замку прикасаться. Но был Дмитрий-царевич сластен и соня, а Василий-царевич жалостлив да любопытен. Случилось так, что старший царевич заснул на часок у двери кашеевой тюрьмы, а средний, Василий-царевич, не сдержался, проник к Кашею, а увидев его в цепях, пожалел и дал воды напиться. Набрался Кашей Бессмертный прежней силы, порвал свои цепи, вырвался на волю, схватил в плен матушку-царицу и умчался с нею в своё царство.

С того часа и началось владычество Кашея над землёй. Завладела ею проклятые шишиги и начали мучить и терзать всех, кто на ней жил.

На бой против Кашея отправляются все три царевича. Но только Иван-царевич одолевает страшного врага и освобождает родную землю.

Таково основное содержание драматической «Сказки об Иване-царевиче, земле

родимой, о матушке любимой», недавно рассказанной московским зрителям Владимиром Гольдфельдом при посредстве талантливых артистов Центрального театра транспорта.

Рассказ о прекрасном подвиге Ивана-царевича, освободившего свою землю, составляет главный элемент этой сказки. Вот почему так жадно следят за её перипетиями маленькие посетители театра. Вот почему фантастика сказочного вымысла приобретает для них особую цену.

Хорошо, что ни автор, ни театр не соблазнились мыслью подогнать узор сказочного повествования под современность. Сказка живёт у них своей жизнью, по своей, особой логике и по своим законам. Ничто не нарушает её течения... Но, совершив с героями сказки весь их путь по извилинам сюжета, зритель убеждается, что и там, где живут и действуют Иван-царевич да Татьяна-девица, высшую цену имеют те же чувства и идеи, что и в нашей действительности: верность долгу, мужество, самоотверженность, храбрость.

Так мудрость наших делов и прадедов, живущая в русской народной сказочной поэзии, перекликается с живым опытом героической

На снимках (слева направо): 1. Дмитрий-царевич и Домна Пантелеевна — артисты Н. Фадеев и Э. Трейвас; 2. Иван-царевич и солдат Яков — артисты Г. Шумаков и В. Пшенин; 3. Иван-царевич сражается с Кашею (артист И. Герасимов).

нашей современности. В этой перекличке смысл и значение спектакля Театра транспорта. И надо от всего сердца поблагодарить и режиссёра М. Малинина (он же художник спектакля) и актёров — участников представления, сумевших придать «Сказке об Иване-царевиче» красочность фантастики, глубокую душевность и подлинно русский лиризм.

Е. Сурков

Финальная сцена «Сказки».

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Подлинная творческая жизнь спектакля начинается тогда, когда в зал входит зритель и между ним и актёрами возникает своеобразная связь, когда исполнители ощущают живое волнение зрительного зала. Это особенно ярко чувствуется, когда спектакль смотрят дети. Они реагируют живо, непосредственно и открыто.

На одном из спектаклей «Сказки об Иване-царевиче, о земле родимой, о матушке любимой» в антракте ко мне подошёл голубоглазый вихрастый мальчик лет семи.

В его голубых глазах ясно читалось такое огромное желание помочь Ивану-царевичу в его борьбе с чудовищем, что, каюсь, я не в силах был грубо нарушить его иллюзии, сказав, что всё предусмотрено и Иван-царевич сам справится с трёхглавым змеем. Пришлось ему пообещать, что если его помощь понадобится, то я пришло за ним ту самую тётю, которая направила его ко мне. Это удовлетворило мальчика, и он ушёл досматривать спектакль.

Я указал на единичный, может быть, наиболее яркий случай, но их можно было бы привести много на каждом спектакле. Когда жалостливый Василий-царевич

Фото В. Фабисовича

собирается напоить Кашея, юные зрители властно вмешиваются в действие. Одни настойчиво советуют: «Не надо ему давать воды!», другие повелительно кричат: «Не смей, не смей поить его!», третьи взволнованно шепчут: «Неужели он даст ему напиться, неужели?»

Вот слуги кашеевы после жаркой схватки одолели одного из героев пьесы, Алексея, и увели его. Появляются

ся Иван-царевич и Яков Малый — солдат бывалый. Они поражены исчезновением Алексея и начинают его искать. С каким волнением ребята стремятся помочь им! «Здесь была змея!» — кричат дети. Они настойчиво советуют Ивану и Якову быстрее отправляться в погоню, и как они торжествуют, когда в конце концов, после долгих приключений Иван-царевич отыскивает Алексея!

Но маленький зритель в то же время очень требователен. Больше всего он чувствует и ценит искренность и правдивость происходящего на сцене. Глубоко захваченный событиями пьесы, он требует такой же увлечённости и взволнованности от всех участников спектакля. Искренность и увлечённость должны быть непрерывными спутниками и автора, когда он пишет пьесу, и режиссёра, когда он ставит, и актёров, когда они репетируют и играют. Юный зритель не прощает ни малейшей фальши, он не оставит без внимания ни одной мелочи, ни одной детали. Глубоко чувствуя театральную условность, сказочную фантастику, принимая всю необычность событий, происходящих на сцене, он не позволяет ни малейшего отклонения ни в сторону натурализма, который мог бы разрушить театральную условность, ни в сторону нарочитой театральщины, не имеющей реальной основы.

Центральный театр транспорта впервые поставил спектакль для детей. Многие актёры с большим старанием в первый раз встретились с зрителями-детьми. На первых спектаклях, нечего греха таить, актёры иногда терялись от необычайной активности своих зрителей. Но театр работал над спектаклем с исключительным увлечением. Постановщик и художник спектакля М. П. Малинин, актёры театра, его технические работники стремились отбросить все свои силы, все умение, чтобы спектакль был наиболее ярким, красочным и радостным.

Владимир Гольдфельд

ПЬЕСА О ВЕРНОМ СЕРДЦЕ

Часто газеты и радио сообщают о встречах, столь неожиданных и чудесных, что они казались бы выдумкой романиста, если бы не были действительными фактами современности. Один из таких случаев, как бы рассказанных самой жизнью, положен в основу пьесы С. Михалкоза «Ната-

ских людей, вставших на защиту родины. Немцы направляют против партизан большую карательную экспедицию. Смелыми поодиночке пробиваются сквозь железное кольцо врагов. Николаю Чиркову удаётся добраться до частей Красной Армии.

Концертная бригада вместе с Наташей Москвиной в это же время находится на фронте. И здесь, в тесной землянке, происходит трогательная встреча Наташи с её мужем, которого все считали погибшим.

В этот простой сюжет автором введена добавочная ситуация, усиливающая драматургическую остроту пьесы. Наташу любит лётчик Земляной, сильный, мужественный человек, способный на глубокое чувство. Ему поручают доставить с «Большой Земли» боеприпасы для того партизанского отряда, которым командует капитан Чирков. Раньше они не были знакомы, и

Наташе, Земляной догадывается, что перед ним муж горячо любимой им женщины.

Лётчик возвращается в Москву и, не застав Наташу, оставляет ей письмо. Наташа раёт письмо не читая, думая, что оно от Земляного с объяснением в любви. Так, по воле драматурга, Наташа до последней минуты не знает об ожидающем её счастье.

Цельный образ Наташи — женщины с верным сердцем — создан артисткой Т. Гурко. Наташа неспособна лицемерить: чувство её глубоко и нераздельно. Артист Б. Балакин играет капитана Чиркова не везде ровно — наибольшей простоты и жизненности достигает он в сцене у партизан. Нелёгкая задача выпала на долю А. Зинковского в роли лётчика Земляного, но он разрешает её правдиво.

В исполнении талантливо-го коллектива студии спектакль «Наташа Москвина» звучит как искренний рас-

Артистка Т. Гурко в роли Наташи Москвиной.

ша Москвина», премьеру которой показала Оперно-драматическая студия имени К. С. Станиславского.

...Огромное горе постигло Наташу Москвину, молодую московскую артистку. Её муж, капитан Николай Чирков, тяжело раненый, попал в руки немцев. Теперь у Наташи одно желание — ехать как можно скорее самой на фронт, петь там для бойцов, отдать своё искусство людям, среди которых сражался и погиб её муж.

Наташа не знает, что капитан Чирков жив. Ему удалось вырваться из плена, бежать. Во главе партизанского отряда он отважно действует в тылу врага. Зритель видит лесное жильё партизан; перед ним проходят правдивые образы рус-

Заключительная сцена пьесы: встреча Наташи со своим мужем капитаном Чирковым (артист Б. Балакин).

Фото Е. Амчиславской.

только в самый последний момент, получив от капитана письмо для передачи

сказ о силе и верности настоящего чувства.

С. Богомазов

СТАНИСЛАВ МОИШКО

К 125-летию со дня рождения

срок. С волнением перелистывали мы пожелтевшие страницы старой партитуры.

Старик добился в конце концов своего: «Галька» должна была пойти во львовской опере в его постановке. Война 1941 года прервала эту работу...

* *

Моношко начал работать над «Галькой» сто лет назад — в 1843—1844 годах. Воспитанный в кругах передовых общественных идей, он пропитал «Гальку» демократической тенденцией. Композитор писал её быстро, не поддаваясь влияниям всех тех идей, которые в это время доминировали в музыке Западной Европы.

Все сочинения (кроме «Гальки», им написано не-

сколько опер, оркестровые и вокальные произведения) Моношко замечательно богаты мелодической изобретательностью, пропитаны народными польскими интонациями. Они глубоко вошли в сознание польского слушателя.

Организуя концерты, советский народ отдаёт честь Станиславу Моношко, национальному композитору братского польского народа, выражая этим свои дружеские чувства.

В поработанной немецкими захватчиками Польше запрещено исполнение опер Моношко. Но близок час, когда исполнится мечта старого познанского режиссёра и в освобождённой от фашистов демократической Польше и в советском Львове будут вновь поставлены оперы Моношко. На-

Литература и искусство

РОМАН О СЛАВНОМ ПРЕДКЕ АРМЯН

До последнего времени историческая тематика в армянской литературе не занимала того места, которого она по праву заслуживает.

Среди работ, начатых нашими литераторами и работниками искусства в этой области, следует указать на большой исторический роман писателя-орденоносца Деренника Демирчяна — «Вардананк».

«Вардананк» — роман о тех, кто под водительством спартапета (военачальника) Вардана Мамиконяна шли на смертный бой против врага армянского народа.

Демирчян имел своего предшественника — Раффи. Этот классик оставил нам выдающееся по своей силе, художественным достоинствам, историческим данным и правдивости произведение той же эпохи — роман «Самвел». После «Самвела» писать роман о Вардане Мамиконяне и трудно и ответственно. Несмотря на это дерзание Демирчяна надо приветствовать.

Мы сознательно сказали о дерзании. Прежде всего потому, что автор взялся за монументальный роман в двух томах, первый том которого уже издан.

Демирчян довёл повествование до самого драматического и решающего момента романа — до кануна знаменитого Аварайрского сражения. Центральным героем своего романа автор сделал самого Вардана — воена-

чальника, авторитетного пахаря, популярного государственного деятеля, одного из самых выдающихся армянских деятелей середины V века.

Демирчян, как опытный художник, лепит образ Вардана в двух планах: показом Вардана среди пахарей, в сложной, противоречивой и не всегда выгодной для Вардана обстановке и среди народной массы.

Демирчяну удалось показать Вардана как человека с сильным характером, гибкого дипломата, настойчивого и требовательного полководца, человека, умеющего в соответствующих условиях быть и ласковым и мягким.

Автор романа нарисовал среду, в которой действует Вардан; сторонники и противники политической линии Вардана; большие и малые пахары — и народные массы: крестьяне, ремесленники, — их отношение к спартапету создают ту атмосферу, без которой немыслимо восприятие образа Вардана.

Демирчян хорошо передаёт сцены, где широкие массы народа поднимаются на борьбу с врагом. В этих сценах и эпизодах, занимающих значительное место в романе, Демирчян показывает и подготавливает своего читателя к решающим событиям. Демирчян удачно нарисовал общий фон: ярость народа, с каждым днём и часом нарастающая против врагов родины, и эта ярость есть результат национального самосознания, результат того высокого подъёма духа, без которого ни один полководец не посмел бы принять боя с врагом.

Хочется сказать несколько слов относительно спутника Вардана Мамиконяна, о Васаке Сюни, изменнике и предателе, имя которого в истории армянского народа осталось как символ предательства. Демирчян не мог обойтись без зарисовки образа Васака.

Как в истории, так и в романе Демирчяна противопоставлены два лагеря: пахарь во главе с Варданом, ставший на защиту своей чести и независимости, с одной стороны, и группа честолюбцев и предателей во главе с Васакос Сюни — с другой.

«Вардананк» — бесспорно, значительное событие не только в армянской литературе, но и в многонациональной литературе Советского Союза.

А. Сирак

родные образы, созданные вдохновенным талантом национального польского композитора, вновь возрождаются в нашей современности.

Станислав Моношко.

позитора, вновь возрождаются в нашей современности.

Софья Лисса,
доктор музыкальных наук

Старик мечтал поставить «Гальку» в советском Львове в её первой редакции, в которой социальная острота либретто была выражена ярче, протест обиженной барчуком крестьянской девушки более смел, демократическая направленность — сильнее.

Старый режиссёр попал в леканат исторического факультета Львовской консерватории, к автору этих

В СЕМЬЕ

(Перенос со стр. 4.)

ту. Кажется, ни в одно сражение не шёл он с таким страхом и болью...

И вот произошло то, чего он, пожалуй, не ждал: он вошёл в свой дом, встретился с семьёй невидимкой. Это судьба послала ему горестное облегчение, избавив всех от лишнего страдания. Не надо же её истощать! Принять этот дар и незнанием уйти. Так всем будет легче. Тяжело будет матери до самой смерти ждать его, а всё же легче. Дети подрастут, жена встретит другого — это легче всего... хотя бы того же Павла.

Когда он проходил мимо колодца, какой-то мальчик окликнул его:

— Дяденька, это вы — от папы?

Стёпа!.. Как он вырос из папы курточки и штанишек, шестилетний мальчик... А обветренное лицо похудело, и легли тонкие морщинки у губ, как будто они остались от той прощальной минуты, когда он обнимал отца и, заливая его лицо слезами, задыхаясь от рыданий, твердил:

— Папа, папочка, возвращайся скорей с войны!

Они повернули домой. Алексей спросил:

— Ты как же узнал, что я... от папы?

— А бабушка сказала — страшный лицом дядя.

— А я — страшный?

— Нет, это только фашисты бывают страшные. Это они тебя так?

— Они.

— Ты папу видел?

— Видел.

— И орден на нём и звезду?

— Да.

— У тебя тоже есть орден? А папа скоро придёт?

— Да. А ты соскучился?

— Ну!..

— А помнишь, как его провожал?

— Да то как же! Я плакал, а он поднял меня высоко-высоко и всё раскачивал. А я плакал, потому что не знал, что он будет герой. И все поэтому плакали. Только Наташка не плакала, потому что она не понимает, что такое война. Она и при немцах ничего не понимала. Её, знаешь, немец на мушку взял за то, что мама про партизан ничего не говорила. А она стоит да палец в носу держит. Вот дура! Кабы мама не выбила у немца винтовку, узнала бы она, как палец в носу держать!

Пока они шли домой, Стёпа с большой точностью рассказал, как мама выбила у немца винтовку и вместе с Хрищём связали его, заткнули рот платком и стащили в погреб, а сами взяли Стёпу с Наташей и убежали в лес. И как он, Стёпа, прожил среди мстителей, пока не пришла Красная Армия.

Дома Алексей передал Стёпе подарки от отца, потом пошёл с ним на огород. Земля уже подсохла. На той стороне пруда распускал почки колхозный сад. Там дети рыли новые ямки и производили посадку. За садом поднималось до горизонта широкое поле. В стороне синел перелесок. Даль ласково дрожала в весеннем воздухе. Туда по ненакатанной дорожке шли плуги, сверкая на солнце лемехами. Когда он два года назад прощался с этим полем, тут волновалась золотыми волнами зреющая пшеница и колосья под ветром низко кланялись ему, провожая в далёкий опасный путь своего лучшего станковца. И вот пройден этот путь, и на ниве пролегают родные тропинки. И ждёт она его опять, своего хозяина и работника. Стоят они лицом к лицу и узнают друг друга!

А Стёпа всё заставлял его рассказывать о подвиге отца. Он рассказывал скупо, но, взвешивая на Стёпу, видел, как раскраснелись у него щёки, как сверкали глаза.

— Я им отомщу, — сказал он, когда Алексей кончил рассказ, и припал щекой к его ноге.

О, как трудно будет этой ноге шагать прочь! Он взял лопату и тоже стал копать новые ямки для яблонь в своём садике. Земля раскрывалась и дышала на него своим весенним запахом, от которого у Алексея чуть кружилась голова, и сердце вдруг наполнилось радостью, что недаром он отдавал свою жизнь и кровь и страдания его не пройдут даром. Вот его награда за них! Припасть к земной груди, — пусть не узнают его, оза его знает, она не изменит и не отвернётся. Он будет жить тут незванным, чужим. Что же, хоть пчёлкой, лишь бы дышать родным воздухом, слушать этот вешний шум, видеть распускающийся сад! Но он человек. Радостного его труда ждут здесь и земля и люди.

Подождал мать и сказала:

— Гляжу я на тебя, сынок, со двора, — ну, что, мой Алеша. И спина, и вся ухватка. У тебя же семья есть?

— Есть. И мать есть.

— Обрадуется, сердешная, да и... слезой изойдёт.

— А я к ней совсем не явлюсь, пускай свой век доживает спокойной.

— Ну, какой уж покой, когда сердце тоской высохнет!

— А может, и лучше: тоской высохнет, чем с горя разорвется.

— А почему ты, сынок, знаешь, что лучше! Лучше бы нам не родить вас на такую долю, — вздохнула она.

— Нас родина на спасенье и славу себе родила, — сказал Алексей.

А она, вытерев рукавом слёзы, сказала:

— Пойдём, детка, пообедаем.

— А что же хозяйка?

— Да оза иной раз к вечеру только является, а то и совсем без обеда.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Вот посажу вам на память по яблоньке, приду.

IV

Мать ушла, а он закончил ямки и стал вскапывать огород. А перед вечером видел, как Настя вошла во двор в сопровождении Павла. Они сели в углу двора на опрокинутых санках и опять долго разговаривали, и до него доносился её грудной смех. Его они, повидимому, не заметили. Потом Павел ушёл со двора, а Настя прошла в избу. Вскоре Стёпа прибежал звать его обедать. Когда Алексей вошёл, Настя уже торопливо обедала. Алексей подошёл к окну и, увидев, что по улице везут кирпич, спросил, — откуда.

— А со своего завода, — ответила Настя, — восстанавливаем его.

— Вот вы как работаете, — сказал Алексей, обернувшись к ней, и поймал на себе её взгляд — недоумевающий, затуманившийся.

Теперь она подробнее расспрашивала об Алексее, как чувствует себя, не жалуется ли на здоровье.

— Что скуповато ему пишете?

Настя сухо сказала:

— Как умею.

— Мало пишете.

— Сами видите, как у нас мало времени, совсем не хватает.

Что-то едкое подступило к горлу Алексея. «А постигать на саночках хватает!» — подумал он, и сказал более хрипло, чем обыкновенно:

— Ну, спасибо за приют. Мне пора на станцию.

— Что же на ночь-то глядя! — сказала Настя уже ласково. — Поночуйте хоть.

Действительно, солнце уже низко стояло над степью, и зеленыя, растоптавшиеся от выгона, чуть розовели. Грачи в ветлах подыали вечерний гам. Однако Алексей уже стал было надевать сумку, когда Стёпа, ухватившись за неё, стал просить переложить и ещё рассказать что-нибудь про папу.

— Вот видите! — сказала Настя. — И я хотела бы ещё поговорить об Алёше. Вы уж, пожалуйста, останьтесь, — ласково кинула она, уходя. — Я и не прощаюсь.

Она ушла, а Стёпа прижался к нему и ждал рассказа. Потом они вышли на огород. В сёющих над деревней сумерках пели на разные голоса птицы, пели задорно, стремительно, как будто соревнуясь. В конце деревни ржали молодые жеребята. Внизу, под вербами, у плота журчал ручей. Далеко в поле взошла луна. Алексей и Стёпа постояли и пошли спать. Мать постлала ему за перегородкой. Он было скоро задремал, но пришла Настя, и он слышал, как она улеглась спать. А потом кто-то постучал в окно. Она приоткрыла его. За окном был тихий голос Павла. Они о чём-то пошептались. Настя закрыла окно. А Алексей ещё не спал. Он смотрел в тёмный потолок и слушал, как новая, жуткая боль подкатила ему под сердце. Так вот ещё какие жгучие муки ждали его дома! Зачем же он вернулся? Зачем не сразу сгорело в танке его сердце? Вот как обернулось к нему его когда-то светлое счастье! Он получил его без борьбы, без сомнения. Его добились у Нasti и другие, и тот же Павел, но она давно уже любила его, Алексея. Счастье улынулось им обним одной улыбкой... Бежать, бежать сейчас же! Он привстал на постели, прислушался. Настя тоже, видимо, не спала, ворочалась в постели. Вот вырвался из её груди вздох, как стон. Уйти незамеченным нельзя. Он стал различать сонное дыхание матери и детей. Что ждёт их? Думы о детях сделали боль на сердце не такой острой, но всё пили, пили печальные, горькие, мрачные, как ночь. А весенняя ночь уже кончалась. Серел рассвет. Опять запели птицы, а потом совсем стало светло. И вдруг выглянуло из-за выгона солнце и брызнуло золотом в окно. Теперь можно и вставать. Первой

проснулась мать, потом Настя. Алексей вышел из-за перегородки, поздоровался.

— А вы зачем же так рано встали? — сказала она. — Поспали бы.

— Видно, не спится на чужой печке, коли своя недалечко, — сказала мать с лаской и тяжело вздохнула.

— Мы вас подвезём до станции, — сказала Настя.

— Ну, — сказал Алексей, — не такое время, чтоб подвозить.

— А у вас нашлось время сделать для нас двадцать километров? А тут как раз оказия на станцию. Ночью прибежал Паша, — сказала она, обращаясь к матери, — срочно вызывают в район. Вы пока закусите, а он подъедет.

Его усадили за стол, Настя и Алексей стали быстро завтракать; разговора почти не было. Мать всё вывела по хозяйству и клала харчи в сумку Алексея.

Проснулся Стёпа.

— Ну, Стёпа, прощай, — сказал Алексей, — не поминай лихом, может, ещё встретимся.

— Чего же вы уходите? — с грустным недоумением спросил Стёпа.

— А ты что же, думал, что дядя совсем останется? — засмеялась Настя.

— Да, — упрямо сказал Стёпа. — Хотя пока папа вернётся.

— А ты расти, пока папа вернётся, — сказал Алексей.

— Да будь такой герой, как папа, — сказала бабушка.

— Ну, прощайте, Настасья Михайловна, спасибо за приют и... ласку.

— Спасибо за хорошие вести, спасибо, что постарались, — сказала Настя, вскинув на него свои глубокие глаза.

В них уже не было теперь ни жалости, ни отчуждения, но большая и грустная ласка. И опять у Алексея закружилась голова от мелькнувшей радости и нахлынувшего затяжного, неизживаемого горя. Он отвернулся и подошёл к спящей девочке. Прильнув к её личику, долгим поцелуем, он сдержал kloкочущий в горле хрип и повернулся к Стёпе.

— Ну, прощай, Стёпа, — сказал он, как смог, и, подняв его высоко на руках, стал раскачивать, как два года тому назад.

— Алёша! — вдруг крикнула Настя страшным голосом.

Алексей крепко прижал Стёпу, словно держась за него, чтобы не упасть, и стоял, опустив голову. А Настя бросилась к нему, рванула на его груди гимнастёрку и рубашку, на которой блеснули орден и звезда, и, припав к обнажённой груди лицом, захлабываясь в рыданиях, кричала:

— Алёшенька! Ты... ты... родной мой!.. О! — стояла она, покрывая поцелуями его грудь, лицо, руки.

Стёпа тоже закричал и заплакал. Мать, спотыкаясь, вошла на крик и стала на пороге, ничего не понимая, обьятая ужасом. Да вдруг тоже закричала, упала на землю у ног Алексея и, обнимая, целуя их, голосила:

— Деточка моя горькая, страдалец наш великий!

— Ничего, ничего, — тихо шептала Настя. — Да как же ты... не признался, покинуть хотел!..

— Не хотел, чтобы узнали, — с трудом шептала Алексей.

— Да кто же другой так мог бы приласкать своих деточек? — сказала Настя с тихой нежностью.

— Дети вырастут без меня. А тебе, молодой, зачем я, урод, буду свет затинять?

Настя вдруг отстранилась и, помолчав, сказала тихо, сурово, глядя ему в глаза:

— Ну, спасибо, Алёша, что так обо мне думал... Так в меня верил!.. Ты что же думал, за красоту твою тебя любят?

— Видишь, на портрете моя красота...

— Да весь народ ею любитесь. Да никакими портретами её не нарисуеть, — сказала Настя, прижимаясь к нему. — Вот... рубашку тебе разорвала, — улыбнулась она. — Сейчас зашью.

— Сыночек мой, — тихо голосила мать, — да что же они, проклятые, с тобой сделали!.. А я глянула на него вчера в спину — вылитый Алёша, и вся хватка его, а в голову-то не стукнуло...

— А я вчера за обедом, — сказала Настя, — тоже. А ночью уж до света и глаз не сомкнула, — в голосе её были радость, нежность.

— Папа, — сказал Стёпа, — так сколько же ты танков подбил?

Солнце уже поднялось над полем, и кто-то уже стучал в окно — звали Настю на работу.

Путь восстановлен

Фото М. Гедкина

Крупный железнодорожный узел очищен Красной Армией от немецких захватчиков. И тотчас же, как отгремели последние залпы, к станции начали стекаться железнодорожники. Не теряя ни часа, они принялись за восстановление разрушенного врагом железнодорожного хозяйства. На путях немцы оставили десятки исправных паровозов, сотни вагонов, платформ. Все эти трофеи нужно учесть, привести в порядок и использовать на нужды фронта. И вот всюду — в депо, на вокзале, на путях — началась напряженная работа. Станция должна быть восстановлена в кратчайший срок — таково решение коллектива железнодорожников.

Ещё недавно здесь шёл жестокий бой. Враг отступил. Наши бойцы в последний раз «прочесывают» станцию. Хаос и разрушение царят повсюду.

По инициативе старого машиниста А. А. Залешенко (снимок слева) железнодорожники немедленно начали работу по восстановлению родной станции. Машинист Залешенко первым растопил топку паровоза и вышел на линию всего несколько часов спустя после очищения станции от немцев. Большую помощь железнодорожникам оказали женщины и школьники. На снимке справа вы видите группу школьниц, занятую расчисткой путей.

Эти паровозы уже вступили в строй. Станция ожила. Снова по путям бегут эшелоны. Они доставляют оружие, боеприпасы на фронт.

ВОЙНА НА РЕЛЬСАХ

П. Лидов

В дни подготовки к одной из наступательных операций мне удалось наблюдать за работой командующего крупным войсковым соединением. Он принимал являвшихся к нему генералов и офицеров, несколько раз снимал телефонную трубку, однако при этом не было названо ни одной дивизии — назывались только станции, номера маршрутов, калибры снарядов, сорта горючего. Адьютанты докладывали о подходе эшелонов, самолёты посылались на розыски задержавшихся в пути цистерн.

Сражение уже шло, хотя не наступило ещё время убрать со стола схему дорог и расставить карту с участком подготовляемого прорыва. Пушки ещё молчали — действовали locomotives.

— Подвезём — прорвём, — сказал генерал и напомнил случай, когда наступление не принесло желанных результатов лишь потому что не был обеспечен бесперебойный подвоз всего необходимого.

Чем дальше уходит война от промышленных центров России, тем больше работы и ответственности ложится на железнодорожников и железнодорожные войска. Железнодорожники знают, что значит для фронтовиков состав с боеприпасами, продовольствием, обмундированием. Каждый поезд высвобождает 500 грузовых автомобилей. Но нелегко бывает пропустить первый поезд по освобождённому от немцев участку дороги, а потом непрерывно увеличивать пропускную способность станций и перегонов, увеличивать скорость движения.

На первом этапе войны бойцам и офицерам железнодорожных войск приходилось преимущественно разрушать дороги. Нередко жертвуя своей жизнью, они заставляли оккупантов остановиться перед взорванным мостом, лишали их на продолжительное время важнейших путей сообщения. Победы Красной Армии поставили перед железнодорожниками ряд новых задач. Сейчас они проектируют, изобретают, строят в огромном масштабе и в великолепных темпах.

«Нужно для фронта, нужно для победы» — эта мысль владеет железнодорожниками и является могучим стимулом их творческих усилий и боевых подвигов. Один из мостов, длиной в 1050 метров, был возведён и открыт для движения в 13 дней! Это не только подвиг железнодорожных войск, но и выдающееся достижение техники.

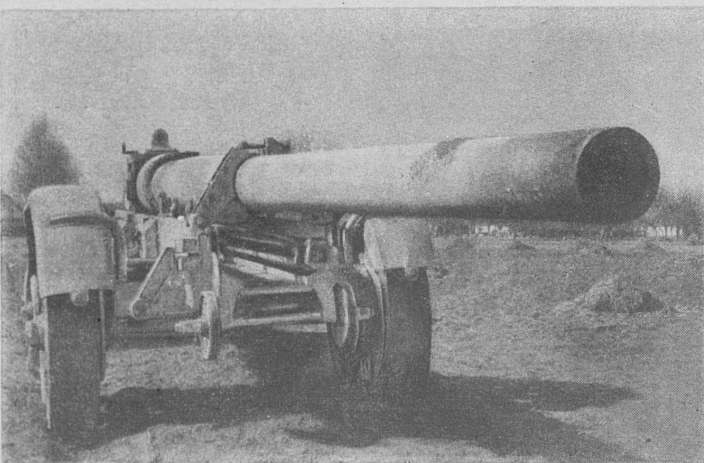
Вместе с передовыми частями пехоты идёт вдоль линий железных дорог техническая разведка. Она должна установить характер сделанных противником повреждений и донести, какие нужны материалы, чтобы восстановить путь, сколько требуется прислать специалистов. На узловую станцию В. первым пришёл с технической разведкой майор А. Скрипка. Он увидел станцию, совершенно разрушенную немцами при отступлении. Рельсы были расколоты на части либо выворочены вместе со шпалами специально выдуманной немцами разрушительной машиной. Взорванными оказались все станционные постройки, искусственные сооружения, стрелочные переводы. Майор Скрипка не стал дожидаться прибытия восстановительных команд, создал местных железнодорожников, с их помощью вос-

НА ВЫСТАВКУ ТРОФЕЕВ

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина

Специальные трофейные команды заняты подсчетом и транспортировкой захваченной нашими войсками вражеской техники. Работы у этих команд более чем достаточно. На одном участке 1-го Украинского фронта в районе Тарнополя нашими частями взяты сотни орудий, танков, автомашин. На снимке слева: трофейные танки на окраине населенного пункта, недавно освобожденного частями Красной Армии. На снимке справа: гвардии старшина Ф. Пирогов выгружает снаряды из захваченной нами «пантеры».

Немцы бросили также несколько тяжёлых дальнобойных орудий. Все эти трофеи собираются в одно место, учитываются, а затем их грузят на платформы и отправляют в Киев на открывающуюся там Всеукраинскую выставку трофейного вооружения (снимки внизу).

становил главный путь и принял на него рабочий поезд.

К местам только что отшумевших боёв подходят восстановительные батальоны и вспомогательные поезда. Военно-железнодорожники торопятся облегчить войскам наступление. Герой Социалистического Труда инженер майор С. Г. Вейцман рассказал мне, как он восстановил небольшой мост, находившийся впереди пехоты, в полосу между нашими и немецкими окопами. Ферму изготовили и собрали в лесу. Чтобы установить её, надо было расчистить русло от обломков прежнего моста. Ночью подрывники подползли туда, заложили заряды и стали ждать. Когда начался обстрел, они подожгли шнур с таким расчётом, чтобы звук произведённого ими взрыва смешался со звуками разрывов снарядов и не был замечен противником. К началу наступления мост был готов, линия восстановлена.

Красноармеец железнодорожной части Стадник, прокладывая линию связи, встретил на своём пути минное поле. Ждать, пока сапёры сделают в нём проход, было некогда. Стадник

вылез на телеграфный столб, по проводам от столба к столбу перебрался через минное поле и протянул за собой кабель.

Полна риска и самопожертвования работа паровозных и поездных бригад на примыкающих непосредственно к фронту магистралях. Нередко первые маршруты с срочными грузами для фронта они проводят по рельсам, не скреплённым между собой. Сплошь и рядом они подвергаются атакам с воздуха, и машинисты ловким маневром выводят тяжеловесные составы из-под бомб. Восемь раз фашистским лёгким удавалось повредить паровоз сержанта Котовского, несколько раз были ранены машинист и бойцы его бригады. Но раненый Котовский на повреждённом паровозе выводил поезд из-под бомбёжки.

Сотни километров разрушенного немцами пути восстановили железнодорожные части генерал-майора Смирнова. При этом максимально использовались повреждённые немцами рельсы. Потребовалось укоротить десятки тысяч изуродованных взрывчатыми шашками рельсов и потом про-

сверлить в них отверстия для болтов. От темпов рубки и сверловки зависели темпы восстановления магистралей.

Первоначально бригада рубщиков, состоящая из трёх человек, отрубала 8—10 концов рельсов в час. Постепенно стали вырабатываться приёмы ускоренной рубки. Вскоре старший сержант Горюничев с рядовыми Ярцевым и Борисенко дали 74 рубки в час, отрубив за 8 часов 594 конца!

Застрельщиком борьбы за высокую производительность труда среди сверловщиков явился ефрейтор Литвин. Как и все, он вначале просверливал 25—30 отверстий в день, но постепенно довёл выработку до 200 отверстий.

Железнодорожные войска богаты интересными, талантливыми людьми. В их рядах Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, подрывники и монтажники, волевые командиры и инженеры-новаторы, отважные бойцы и находчивые рационализаторы. Они первыми приносят в освобождённые районы пафос строительства.

Станция Н. была только что занята

Красной Армией. Инженер Николай Николаевич Новиков, ныне Герой Социалистического Труда, прибыл со своим восстановительным поездом вечером, а к утру надо было восстановить несколько путей или, как говорят железнодорожники, «развить» станцию, чтобы она могла принять первые составы.

Укладывать рельсы ещё можно в темноте, но устанавливать стрелочные переводы никак нельзя. А фронт требовал снарядов. Новиков приказал вылить мазут из бука своего поезда и изготовить факелы. При свете факелов проработали ночь. К утру задание было выполнено.

На рассвете первый поезд медленно подошёл к станции. На одной из платформ Новиков увидел знакомую фигуру в шинели. Он на ходу вскочил на ступеньку и доложил:

— Товарищ изрядный комиссар! Развитие станции закончено. Работу производил восстановительный поезд. — Хорошо, — ответил Лазарь Моевский. — Очень хорошо.

Действующая армия.

Кто не помнит молоденького прусского лейтенанта, прозванного товарищами за тонкую талию и женственный облик «Мадемуазель Фи-фи»? Любимым занятием этого немецкого офицера, изнывавшего от безделья в старинном французском замке, где разместили его отряд, было упражнение в стрельбе по художественным вазам, заполнявшим комнаты. Когда дробь попадала в цель и ваза с грохотом падала на пол, разлетаясь на мелкие куски, барон фон... вскрикивал от удовольствия, радовался, как первобытный дикарь.

Этот персонаж из рассказа Мопассана не выдуман, он списан с натуры. Списана с натуры и вся компания немецких офицеров, грубых, надменных и жестоких, изображённая в этом рассказе о войне 1870 года.

«Фавориты смерти» (Бисмарк и Тьер). Карикатура эпохи франко-прусской войны 1870—1871 годов.

Едва успели они вступить на французскую землю, как сразу же показали своё подлинное лицо — лицо беспощадных грабителей и хладнокровных убийц. Развалины деревушки Базейль (близ Седана), сожжённой дотла за мужественное сопротивление её жителей, стали памятником германских зверств уже в начале этой войны. Общественное мнение всех цивилизованных стран было потрясено известием об уничтожении этого населённого пункта и о расстреле большинства его жителей.

Участь Базейля, сожжённого 31 августа, разделили Абли, Бенк, Эттрепаны, Шеризи, Мезвер, Пармен, Данпелуа, Муаньи и десятки других сёл и местечек оккупированных областей. Один баварский офицер писал из окрестностей Орлеана, что его отряд в течение 12 дней сжёг 5 деревень. Огнём и кровью был отмечен путь немецких войск во Франции. «Теперь Бенк может сравниться с Базейлем», — писал в начале октября корреспондент «Женевской газеты», — 200 домов больше не существует; 700 жителей бродят среди развалин; 50 зданий, уцелевших от пожара, разграблены».

Заняв 15 ноября Немур, пруссаки сожгли целый квартал этого города за то, что в нём было убито три немецких солдата; во время пожара играла немецкая военная музыка. Мэра и трёх членов комитета обороны немцы увели в качестве заложников. Подлая система заложников, аресты и расстрелы ни в чём не повинных людей издавна составляли характерную черту специфически прусских,

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ВРАГ ФРАНЦИИ

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ ВО ФРАНЦИИ В 1870—1871 ГГ.

Проф. А. Молок

варварских методов ведения войны. В Эльзасе и Лотарингии оккупационные власти, чтобы положить конец антигерманским диверсиям со стороны местных жителей, стали применять такое гнусное средство: в воинский поезд насильно сажали «именитых людей» (прокурора, председателя судебной палаты, судей и т. д.), которые должны были своей головой отвечать за налёты партизан. Гитлеровские захватчики берут теперь с них пример.

Реквизиции и грабежам не было конца. Вот типичный документ, датированный 14 ноября. «Я получаю, — пишет один иностранный очевидец, — письма из сёл, расположенных по соседству с Орлеаном. Они рисуют плачевную картину не только реквизиций, но и грабежей, совершаемых в частных домах. Не довольствуясь вывозом зерна, фуража и скота, баварцы перетаскивают в свои фуругоны всё, что им приглянулось в замках и в домах, несчастье жители которых бежали при их приближении».

Тащили и отправляли в Германию всё, что можно было вывезти: бельё, посуду, ковры, картины, часы. Офицеры и генералы подбавляли пример солдатам и унтер-офицерам. Носители видных аристократических фамилий — вроде, например, князя Вальдека — не отставали от своих менее знатных соучастников. «После войны мы уже не сумеем отличать своё от чужого, так как все превратились в воров», — откровенно писал один немецкий офицер по фамилии Рихтер. То, что нельзя было увезти, уничтожалось...

Они сбросили с себя маску, все эти короли и министры, ландграфы и маркизаты, помещики и буржуа, студенты и дипломаты, доктора прав, признающие только один аргумент — язык пушек. Они предстают перед миром тем, чем являются на деле, — потомками гуинов и вандалов... Гётевская Маргарита уступает место Маргарите Шнейдер, невесте Иоганна Дитриха, стрелка 7-й роты 88-го полка 42-й бригады 21-й дивизии германской армии, пригласившей своего возлюбленного «зайти в ювелирную лавку, где можно пограбить...» Немцы — варвары и хвалитесь этим. Они гордятся тем, что ушли на 15 столетий назад и снова сделали германцами времён дикости.

Если не знать, что эти слова принадлежат перу французского писателя Поля де Сен-Виктора и что они помещены во французской газете «Либерте» в январе 1871 года, то легко отнести их к нашим дням. Гитлеровцы идут по пути, проложенному их историческими предшественниками — прусскими юнкерами XVIII и XIX веков, германскими империалистами начала XX века.

Французский народ ответил на прусское нашествие стойким сопротивлением, народной партизанской войной. Во всех оккупированных департаментах создавались партизанские отряды — отряды вольных стрелков. Представители различных общественных слоёв, люди всех возрастов, профессии, убеждений брались за оружие и вступали в бой с захватчиками. Горы и леса Вогезов и Арденн буквально кишели вооружёнными людьми, которые наносили немалый ущерб оккупантам. Вольные стрелки устраивают засады на дорогах, по которым следуют

неприятельские части. Они захватывают продовольственные обозы противника, разрушают его связь, задерживают его курьеров. Они помогают крестьянам истреблять или обращать в бегство немецкие отряды, посланные для реквизиции хлеба и фуража, несут вооружённую охрану ферм, полевых, виноградников. Они угоняют скот, чтобы он не достался врагу, поджигают амбары с хлебом, который не удалось вывезти из районов, находящихся под угрозой неприятельской оккупации. Они освобождают пленных, отправляемых в Германию.

Чтобы подавить это сопротивление французского народа, немецкая военщина не останавливалась перед грубейшим нарушением норм международного права. Партизаны безжалостно умерщвлялись. 11 ноября 1870 года парижская печать опубликовала выдержки из приказа прусского командования, которым предписывалось «немедленно предавать смерти каждого задержанного вольного стрелка».

Берлинская газета «Биржевой курьер» в номере от 20 ноября, описывая расправу оккупантов с французскими патриотами, подтверждала наличие такого варварского приказа и выражала своё полное одобрение по поводу его издания.

«Вчера, — писала газета, — прибыли первые раненые и пленные после боя у Дре, происходившего 17-го числа. Расправа с партизанами была короткой и должна была послужить хорошим примером: они были поставлены в ряд и один за другим получили пулю в лоб. По армии был объявлен общий приказ, категорически запрещающий брать их в плен и предлагающий расстреливать их на месте военно-полевым судом, где бы они ни показывались».

23 ноября командир полка прусской конницы фон Розенберг от имени командующего немецкими войсками в департаменте Эр обратился к жителям этого департамента с предупреждением, что «каждый, кто будет застигнут вооружённым, но одетым в штатском платье, будет рассматриваться не как солдат неприятельской армии, а как убийца, и будет подвергнут смертной казни»; «сёла, жители которых совершат какое-либо преступное действие, будут сжигаться».

Такие приказы издавались на всей оккупированной территории Франции. И они проводились в жизнь с немецкой методичностью и систематичностью.

Общественное мнение Англии, Бельгии, Швейцарии, Соединённых Штатов Америки и многих других стран резко клеймило германские зверства во Франции. Осуждала их и русская передовая печать того времени. «Это — собрание ужасов всякого рода, а никак не война, — заявляла редакция «Отечественных записок». — Всё это такие вещи, которые наводят на серьёзные мысли о цивилизации Пруссии, руководящей войною». Тот же журнал писал, что поведение немцев во Франции — это «казанское коварство и варварство». Так же расценивал эти факты и «Вестник Европы».

Но расчёты немцев на то, что мерами суровой жестокости им удаст-

ся сломить сопротивление французского народа, не оправдались. Зверства оккупантов лишь усиливали чувство ненависти к врагу и ещё более разжигали пламя народной войны против завоевателей. «Папаша Милон» из рассказа Мопассана — яркий пример непримиримой ненависти французских патриотов 1870 года к немецким оккупантам. Этот образ старика-крестьянина, истребившего 16 немецких солдат, так же типичен, как типичны фигуры «дядюшки Мерлье» и юного Доминика из рассказа Золя «Осада мельницы» — рассказы о стойкости и мужестве простых людей, защищающих свою родину от чужеземных захватчиков.

Победа не досталась французским патриотам в эту войну потому, что Франция одна боролась тогда против немецкого нашествия; с другой сторо-

«Вильгельм Прусский». Карикатура эпохи франко-прусской войны 1870—1871 годов.

ны, власть во Франции находилась тогда в руках людей, которые боялись своего народа гораздо больше, чем немцев.

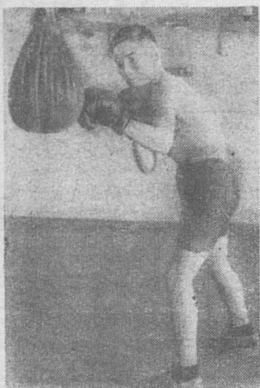
Семьдесят три года отделяют нас от событий того времени. И всё же между ними и событиями наших дней существует преемственная связь, существует несомненное сходство. Тогда, как и теперь, агрессорами были немцы. Тогда, как и теперь, Франция оказалась не подготовленной к войне и потеряла поражение. Тогда, как и теперь, были среди французских предатели (версальцы 1871 года, «правительство» Виши 1940—1944 годов), которые открыли врагу двери Франции. Тогда, как и теперь, немецкие захватчики зверски расправлялись с французскими патриотами. Но — и в этом состоит отличие нашей эпохи от эпохи 1870—1871 годов — тогда Франция одна боролась против прусского нашествия. Теперь все свободлюбивые народы во главе с вооружёнными силами англо-советско-американского боевого союза сражаются против гитлеровской Германии — злейшего врага всего прогрессивного человечества.

Как бы ни упорствовал враг, какие бы злодеяния он ни совершал, нет такой силы в мире, которая могла бы остановить неумолимый ход истории. Час полного разгрома фашистских извергов приближается. Пороку тому служат грандиозные победы Красной Армии, сокрушительные удары которой поставили гитлеровскую Германию на край катастрофы.

СПОРТ

ЮНЫЕ БОКСЕРЫ

64 юных боксёра восьми городов — Москвы, Саратова, Иванова, Молотова, Кирова, Ижевска, Казани и Архангельска — выступили на недавних соревнованиях в Москве. Они оспаривали

Сеня Мулин (общество «Юный локомотивец») на тренировке.

Фото Н. Волкова

первенство в 8 весовых категориях. Категория начиналась «мухачами», весящими не более 33 килограммов.

Подростки-«тяжеловесы» не тянули и 60 килограммов.

На ярко освещённом ринге перед судейской коллегией и многочисленными зрителями встретились московский школьник Буланов и юный архангелец Шелани. Они должны были разыграть первое место в весе «муха».

Сто двадцать секунд осыплют друг друга ударами «мухачи». Они стойчески выдерживают «свинги», «хуки», «джебы», отвечая на каждый удар таким же умелым приёмом защиты, проводят «крессы», делают нырки, отбивы, входят в «инфайтинг», проводят удары с дальней дистанции и всё время ведут атакующий стиль борьбы. Отдых — одна минута, и снова бой, горячий, азартный. Три раунда по 2 минуты решили поединок юных спортсменов. Победил Толя Буланов. Это его восьмой бой. Раскрасневшиеся противникижимают друг другу руки и покидают ринг, сопровождаемые шедшими аплодисментами восторженного зала.

Появляются «петухи» — бойцы следующей весовой категории. За первое место «работают» (этот боксёрский термин ребята произносят с большим достоинством) Булаков (Москва) и Давыдов (Казань). Новые шесть минут мужественного поединка.

СОСТЯЗАНИЯ МОТОЦИКЛИСТОВ

Весенний традиционный мотоциклетный кросс в Сокольниках. Сотни мотоспортсменов столицы участвовали в этом состязании, привлекая большое количество зрителей. Маршрут в 60 километров (три круга по 20 километров) изобилует преградами: лесными просеками, водными препятствиями, крутыми подъёмами, большими спусками. Участники состязаний — представители спортивных обществ «Динамо», «Торпедо», «Старт», «Крылья Советов», а также Красной Армии и общества «Трудовые резервы» — оспаривали первенство. На снимке: участники кросса преодолевают водное препятствие.

Фото Н. Волкова

Ни один меткий удар не ускользает от глаз зрителей, впервые присутствующих на таком большом межгородском соревновании юных боксёров. Вторая победа москвича вызывает новую бурю оваций.

Вслед за «летухами» соревнуются «перовики», потому — бойцы наилегчайшего веса, легчайшего, полуполёжного, лёгкого и полусреднего веса.

В заключительной паре разыгрывалось первенство в

полусреднем весе. Победу присудили Чеботарёву, имеющему преимущество над Архиповым (Казань).

Матч городов выиграла команда Москвы.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта

НАУКА И ТЕХНИКА

НОВОЕ О МИКРОБАХ

Ещё недавно многим казалось бы диким вымыслом, что микробы наславу потрудились, например, над образованием таких полезных ископаемых, как железная руда, сера, нефть, слепитра. Однако этот факт установил член-корреспондент Академии наук профессор Б. Л. Исаченко.

В подпочвенной воде, взятой из различных буровых скважин залежей серы с глубины около двух тысяч метров, найдены пурпурные серобактерии. Такое название присвоено им за яркочерную окраску.

Подвергнув всесторонней проверке процессы изменения серы в морской воде, в озёрах и лиманах, учёный пришёл к заключению, что эти мельчайшие организмы — потомки древних бактерий. Они в давние времена жили на поверхности земли и после грандиозных геологических переворотов оказались погребёнными под толщами пород.

В пластовых водах месторождений нефти старший научный сотрудник института Л. Д. Штурм также обнаружил необычайные бактерии. Они, подобно пурпур-

ным серобактериям, по своим очертаниям и особенностям резко отличаются от всех известных нам современных видов. Эти уцелевшие наследники первобытных мельчайших существ на протяжении тысячелетий участвовали в сложных превращениях серы и нефти.

Открытие наших учёных позволит правильно решить проблему возникновения и возраста полезных ископаемых. Кроме того исследователи подземных сокровищ вооружаются дополнительными способами разведки серы и «чёрного золота», играющей столь значительную роль в народном хозяйстве.

Каждая шепотка земли кишит бактериями. Они выделяют в верхние слои почвы вредные или полезные для растений вещества.

Настойчивыми трудами, проведёнными профессором Н. А. Красильниковым, доказано, что каждый сорт растений имеет присущий ему особый набор мельчайших живых существ, размножающихся в корневой зоне. Опытным путём удалось их изменять, сдвигая в нужную, благоприятную для растений сторону. Установлено, что микробы способны выделять витаминоподобные

вещества и этим ускоряют развитие растений. Этот вид назван за свои замечательные свойства бактериями-активаторами.

В Институте микробиологии испробованы новые типы бактериальных удобрительных смесей, в состав которых, кроме уже известных и применяемых на практике микроорганизмов, снабжающих почву и растения азотом, введены и новые бактерии — активаторы.

Группа научных сотрудников института занималась изучением теплолюбивых, или, как их называют, термофильных, бактерий. Они бурно размножаются при высокой температуре и способны при этом расщеплять сложные органические элементы, как например крахмал и белок.

Возникла мысль — использовать эти свойства в тех областях промышленности, где требуется быстро удалить излишние органические примеси.

В институте разработан технологический процесс получения из теплолюбивых бактерий особого препарата для обескрамливания тканей.

Г. Блок

Известно ли вам...

...что древнейшие русские книги и рукописи писались на пергаменте (телячьей коже особой выделки)? Отсюда произошли выражения «грамоты на телятине» и книга «написана на кожах».

...что в Арктике находятся четыре полюса: 1. Северный географический полюс, расположенный на 90-м градусе северной широты. 2. Магнитный полюс. 3. Полюс недоступности, или ледяной полюс, расположенный в центре сплошных льдов, на расстоянии нескольких сот километров от северного полюса. 4. Полюс холода, находящийся в Якутии (селение Оймякон в 200 километрах от города Верхоянска).

...что первая почтовая карточка (открытое письмо) была выпущена в Австрии в 1869 году? У нас в России в 1872 году были введены первые бланки для открытых писем.

...что важнейшая электрическая машина — трансформатор — изобретена русским изобретателем Усагиним?

...что у французского писателя Вольтера было свыше 130 литературных псевдонимов?

Почему мы так говорим

ЧЕРЕСЧУР

У наших предков, древних славян, был бог Чур — страж и охранитель границ. Его изображали на столбиках, или чурках, которые ставились по межевым границам. Отсюда «чересчур» означало раньше переступить границу. Теперь это слово применяется взамен слова «слишком».

ПОЛОЖИТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК

На столбе около дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском был прибит ящик, куда все могли опускать прошения и жалобы. Но после резолюции царя исполнение их задерживалось бесконечно долго благодаря господствовавшим тогда волокитам и проволочкам. Отсюда и произошло выражение «положить в долгий ящик», то есть отложить исполнение какого-либо дела на очень долгое время.

РУБЛЬ

В древней Руси мерой цены служили серебряные брусочки. Если вещь стоила меньше, чем стоил брусочек, то от него рубили такую часть, какая была нужна, и эти небольшие отрубленные части назывались «рублями».

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5183.

214 печ. л.

Подписано к печати 12/VI 44 г. Изд. № 364.

Тираж 100.000.

Заказ 1204.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

БУДУЩИЕ МАСТЕРА

Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта разрешён ряд матчей на знание мастера СССР по шахматам.

По результатам Омской группы полуфинала Всесоюзного первенства такие матчи разрешены: ленинградскому шахматисту Батуеву, талантливому представителю Омска Уфимцеву, литовскому шахматисту Вишневскому. Разрешён также матч одному из сильнейших шахматистов города Куйбышева, Кофману. Один из таких матчей недавно состоялся в Москве: в нём встретились литовский мастер Микенас и молодой шахматист, представитель Военно-Морского флота Люблинский. После острой борьбы матч закончился победой мастера со счётом 8:6.

ПАРТИЯ № 12

Игрена в Бакинском полуфинале Всесоюзного шахматного первенства.

Стариндийская

Макогонов Тайманов

(белые)	(чёрные)
1. d2 — d4	Kg8 — f6
2. c2 — c4	g7 — g6
3. Kb1 — c3	Cf8 — g7
4. e2 — e4	0—0—0
5. Cc1 — e3	d7 — d6
6. h2 — h3	e7 — e5
7. d4 — d5	a7 — a5
8. Cf1 — e2	Kb8 — a6
9. g2 — g4	Ka6 — c5

10. Фd1 — e2 Kf6 — e8
11. Kg1 — f3 f7 — f5

Чёрные избрали очень опасный для себя дебют. Сейчас они одним ударом хотят разрешить свои дебютные трудности, и это приводит их к быстрой катастрофе.

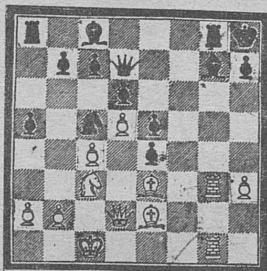
12. g4: f5 g6: f5
13. Ce3 — g5 Фd8 — d7
Здесь ферзь стоит очень неудачно. Следовало, повидимому, играть 13... Cf6

14. 0—0—0 Ke8 — f6
15. Kf3 — d2 Kf6: e4
16. Kd2: e4 f5: e4
17. Jd1 — g1 Jf8: f2

Чёрные всё ещё не сознают грозившей им опасности.
18. Cg5 — e3! Jf2 — f8
19. Jg1 — g3 Kpg8 — h8
20. Jh1 — g1

Простыми и естественными ходами белые добились решающего преимущества.

20... Jf8 — g8
21. Фc2 — d2!

Маленькая тонкость. Нельзя сразу 21. Ch6 из-за C: h6+. Теперь же у чёрных нет защиты против грозившего 22. Ch6.

Чёрные сдались.

ИЗ КАРПАТСКИХ
ЛЕГЕНД

В самой высокой части Западных Карпат — Татрах — находится много озёр ледникового происхождения. К таким озёрам принадлежит и жемчужина Карпатских гор — изумительное по своей красоте озеро «Морское око». Оно лежит высоко в горах среди величественного горного ландшафта. Скалистые вершины гор смотрят в зеркальную поверхность его синих вод. Снежные поля горных склонов составляют резкий контраст с тёмной зелёной хвойного леса, окаймляющей озеро. И когда горные вершины залиты пурпурными лучами заката, озеро становится багряно-красным, как бы наполненным кровью. Невольно приходят на память легенды, которые рассказывают местные горцы об его происхождении.

Здесь, среди гор, жило некогда племя великанов. Могучие и сильные, они не хотели признавать над собой никаких законов и навели страх на всю округу своими набегами. Однажды они напали на соседнюю деревню, перебили многих жителей и увели к себе в горы девушку дивной красоты, которую односельчане прозвали за её яркосиние глаза «Морское око». Женю её собрал нескольких смельчаков и поднялся вместе с ними в горы. Они подкараулили великанов, когда

С М Е С Ь

те спали, забрались на скалы, нависавшие над ними, и скатили вниз несколько огромных обломков скал, увлекших за собою лавину камней. Великаны были раздавлены, кровь брызнула из них и наполнила долину. Вместе с ними погибла и «Морское око». Поэтому вода озера днём яркосиняя, как глаза красавицы, а вечером багровеет от пролитой крови.

«ЛОШАДЬ В ОЧКАХ»

В начале прошлого века на улицах Москвы появились молодые люди в очках. Это новшество было с возмущением встречено хранителями заветов доброй старины.

В № 36 газеты «Московские Ведомости» за 1802 год мы находим следующую зарисовку на «тему дня».

«Весной, когда москвичи устремились в Соколыничью рощу погулять, себя показывать и людей посмотреть, всеобщее внимание привлек сатирический выпад против носителей очков».

«...Между чрезвычайно множества экипажей, — пишет автор, — была лошадь, довольно странно убранная. Молодой поселенец держал за узду молодую, прех лет, чалую лошадь, на которой были очки, величиной вершка в 4 в диаметре и обделанные в широких полосах жести. Между очками по переносью подписано круп-

ными литерами: «а ей только 3 года».

Лошадь в очках возбудила и общее любопытство и общий смех, и кто ни спрашивал у поселенца, зачем лошадь в очках, он отвечал, что в его селе все лошади видят, а молодые — «все непременно смотрят в очки».

Однако неприязненное отношение к новшеству было вскоре преодолено и очки получили права гражданства.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ
КАЛЕНДАРЬ

Первым русским календарём, напечатанным гражданским шрифтом, был «Брюсов календарь», изданный в Москве в 1709 году. Календарь имел следующее название: «Календарь повсеместный или месяцослав христианский, по старому стилю или исчислению, в лето от воплощения Бога Слова 1710, миробития же 7218». На первом листе было обозначено, что он напечатан «повелением его царского величества по гражданской типографии, под надзором Якова Брюса, тщанием библиотекаря Василия Киприянова».

«Брюсов календарь» пользовался большим успехом среди современников. Он был очень интересен составлен и содержал в себе много разных полезных и научных сведений.

КРОССВОРД

Составили читатели «Огонька» В. ХЕНКИН и И. ДУНЕР

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Быстрое течение. 4. Кондитерское изделие. 7. Домашнее платье. 10. Мелкая греческая монета. 11. Комната в гостинице. 12. Отречение. 13. Насаживание фруктовых деревьев. 14. Местоимение. 15. Мужское имя. 17. Учитель красноречия. 20. Точка пересечения лучей в линзе. 22. Вечер с танцами. 23. Кривая птицы. 25. Род обезьян. 28. Город на Камчатке. 30. Земельный участок для разведения овец. 34. Насекомое. 36. Марка советского автомобиля. 37. Река на Урале. 38. Припособление для ловли птиц. 39. Музыкальный термин. 40. Отдел рабочего снабжения. 42. Помещение для учебной стрельбы. 44. Женское имя. 46. Растение. 48. Город в Латинской Америке. 51. Советский широкоформатный артист. 52. Глаз. 54. Созвездие. 57. Славянское название благородного металла. 59. Цирковой артист. 62. Придворный чин. 63. Нижняя часть сосуда. 64. Город в Шотландии. 65. Город в Японии. 66. Часть самолёта. 67. Мелкая сельдь. 68. Река на Кавказе. 69. Китайский извозчик.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Лётчик. 2. Инструмент плотника. 3. Учебное помещение. 4. Подавленное состояние. 5. Предел. 6. Название нашего прославленного крейсера. 7. Правитель в некоторых восточных государствах. 8. Вид народного искусства. 9. Положение, пункт речи или статьи. 16. Род полугусей. 18. Река в Средней Азии. 19. Приок Волги. 21. Местоимение. 22. Мужской голол. 24. Спиртной напиток. 25. Часть провизора. 26. Сорт вина. 27. Соединение алапа. 29. Головной убор. 31. Прилок Ганга. 32. Оправа. 33. Потасовка, рукопашная ссора. 35. Лётчик высшего пилотажа. 36. Официальный документ. 41. Созвездие. 43. Гнёт. 45. Дерево. 46. Портовое сооружение. 47. Домашнее животное. 49. Земляное сооружение. 51. Болезненное явление. 53. Сборник законов. 54. Мелкая монета. 55. Женская половина в доме у мусульман. 56. Термин из ботаники. 58. Южное растение. 59. Насекомое. 60. Физик, изучающий свойства света. 61. Правило.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 17 ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Игроки. 6. Руда. 7. Водораздел. 10. Ар. 11. Поляны. 13. Яр. 15. Пат. 16. Ира. 19. Тритон. 21. Чу. 23. Аляска. 25. Лот. 26. Тахо. 27. Тон. 28. Агония. 30. До. 31. Работа. 32. Пик. 34. Фоп. 35. Ил. 36. Корвет. 37. Га. 38. Португалия. 41. Ифод. 42. Чкалов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Грохот. 3. Рур. 4. Ода. 5. Казак. 8. Канитолит. 9. Аристофан. 11. Пал. 12. Ира. 14. Атрап. 15. Полия. 17. Алдан. 18. Балан. 20. Рог. 21. Чад. 22. Ухо. 24. Кот. 29. Яик. 31. Рог. 33. Кортик. 34. Фералдо. 39. Ура. 40. Гол.

